

собрание сочинений

ВЛАДИМИР ШИГИН

исторический роман

АДРИАТИКА

Морская слава России

Владимир Шигин

Адриатика (Собрание сочинений)

«ИП Каланов»

2010

Шигин В. В.

Адриатика (Собрание сочинений) / В. В. Шигин — «ИП Каланов», 2010 — (Морская слава России)

Военно-исторический роман известного российского писателя-мариниста Владимира Шигина «Адриатика» посвящен боевым действиям Средиземноморской эскадры вице-адмирала Д.Н. Сенявина против Франции в 1805–1806 гг., в ходе которой была освобождена Далмация и защищена Черногория. Среди героев книги император Александр Первый, вице-адмирал Сенявин, капитан-командор Игнатъев, капитан 1 ранга Лукин, другие офицеры и матросы русского флота. Большое место в романе занимает совместная борьба русских моряков и черногорцев против наполеоновских войск, явившая всему миру единство братских православных народов.

© Шигин В. В., 2010

© ИП Каланов, 2010

Содержание

Часть первая	7
Глава первая	7
Глава вторая	19
Глава третья	28
Глава четвертая	37
Глава пятая	59
Глава шестая	73
Глава седьмая	86
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Владимир Шигин

Адриатика

В глубине Адриатики дикой открывался глазам твоим... синий порт. Корабли навсегда уплывали. И белой пушилкой с бастионов крепости древней дым над зеленью склонов всплывал вслед за вспышкой и грохотом в небо и в его синеве растворялся...
Умберто Саба (Поли)

Новый роман известного российского писателя-мариниста капитана 1 ранга Владимира Шигина «Ветры Адриатики» авторской серии «Морская слава России» посвящен Средиземноморской экспедиции эскадры под командованием вице-адмирала Д.Н. Сенявина в период русско-французской войны 1805–1806 годов. Ареной столкновения противоборствующих сторон тогда стала Адриатика. Российская эскадра, опираясь на нашу тогдашнюю главную базу в Средиземноморье – Корфу, развернула активные боевые действия против французов в Далмации. При этом наряду с действиями на море, российские десантные отряды весьма успешно действовали на суше, нанося чувствительные удары корпусу генерала Мармона на подступах к Дубровнику. Большую помощь нашим морякам оказали и отряды черногорцев во главе с митрополитом Петром Негошем, участвовавшие совместно с нашими матросами и солдатами в боях против французов. Тяжелые сражения на суше и взятие крепостей, морские бои и высадки десантов, сложнейшая политическая обстановка, в которой приходилось драться нашим морякам. Чего стоит только легендарный поединок брига «Александр» под командой лейтенанта Скаловского против целой эскадры французских судов, из которой наши моряки вышли победителями. Обо всем этом и рассказывается в романе В. Шигина «Ветры Адриатики».

В центре книги личность выдающегося нашего флотоводца адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина, который в немыслимо тяжелых условиях военнополитической обстановки 1805–1806 годов, сумел не только сохранить позиции России в Адриатике, но и еще больше их упрочить. Все герои романа В. Шигина – командиры кораблей и судов, молодые офицеры и матросы – это реальные исторические личности.

Так уж сложилось, что многие обстоятельства боевой деятельности нашего флота на Адриатике в 1805–1806 годах долгое время оставались вне поля зрения отечественных историков и писателей. Поэтому особенно приятно, что эта весьма важная и интересная страница нашей флотской истории, наконец-то, нашла своего талантливого летописца.

В. Шигин много внимания уделяет картинкам повседневной жизни и быта моряков нашего парусного флота, что всегда особо интересно читать, взаимоотношениям между офицерами и матросами, между русскими моряками и единоверцами-черногорцами. Как всегда, у В.Шигина легкость слога, сочетается с динамичным развитием событий, а точность формулировок с высокой литературностью. Автору, на мой взгляд, удалось найти очень удачное сочетание предельной документальности повествования с его художественной подачей, а потому роман читается, как говорится, на одном дыхании.

Беря в руки очередную книгу о флоте, я всегда, прежде всего, знакомлюсь с биографией автора. Если автор – моряк, сам прошедший корабельную службу и неоднократно бывавший в морях, то эту книгу я обязательно прочту, потому что писал ее не дилетант, а профессионал, и писал не о том, что где-то от кого-то услышал, а то, что сам пережил и прочувствовал. Именно поэтому книги Владимира Шигина всегда стоят на моей полке. Потомственный моряк, сева-стополец, отдавший службе российскому флоту более тридцати лет, он является настоящим профессионалом своего дела, и прекрасно знает предмет своего исследования. Наряду с этим книги В. Шигина отличаются искренней любовью к родному флоту и большим патриотизмом.

На сегодняшний день Владимир Шигин, безусловно, является нашим лучшим нашим писателем-маринистом, сумевших на страницах своих многочисленных книг, посвященных истории флота, вернуть к памяти многие дотоле забытые события, возродить из небытия имена забытых героев моряков прошлых эпох. Очень отраднo, что и сегодня в нашей морской литературе, по-прежнему, живы традиции К. Станюковича, Л. Соболева, В. Пикуля и В. Конецкого. И пока у нас будут такие писатели, как Владимир Шигин, из-под пера которых будут выходить такие интересные и познавательные книги, как роман «Ветры Адриатики», российские мальчишки будут, как и раньше, мечтать о морской службе, а Россия останется великой морской державой.

Главнокомандующий Военно-Морским флотом России в 2005–2007 годах адмирал флота Владимир Масорин

Часть первая Поход аргонавтов

Глава первая Дела моряцкие, дела императорские...

Кронштадт просыпался в привычном грохоте барабанов и свистах боцманских дудок. Бастионы фортов еще едва проступали в белесых туманах, а над гаванью и рейдом уже был виден густой лес мачт, будто все флоты мира разом приплыли в пределы невские. Кронштадт – морской оплот империи, он первый и последний рубеж перед ее столицей, а потому службу здесь правят с особым тщанием и усердием. Это Петербург может спать сколько душе угодно, Кронштадт же назначен бдиль его державный сон.

Матросские ночи коротки, а потому к восходу солнца российские корабли уже сверкают отскобленными до молочной белизны палубами, в золото чищенной медью. Без десяти минут восемь хрипло пропели корабельные горны, и матросы выстроились вдоль бортов, выровняв босые ноги. Корабельные урядники в последний раз окинули придирчивым взглядом стоящих: все ли ладно? Без пяти минут вышли и дружно встали на шканцах офицеры в шляпах и при кортиках. За минуту поднялись из своих салонов командиры с тростями в руках и в сиянии орденов. Над морем повисла звенящая тишина, нарушаемая лишь плеском волны да криками чаек. В то же мгновение над флагманским 100-пушечным "Гавриилом" взлетел и рассыпался в воздухе трехцветный флаг – "исполнительный".

– На флаг шапки долой! – отозвались вахтенные лейтенанты.

Командиры, офицеры и команды обнажили головы. "Исполнительный", вздрогнув, стремительно полетел вниз по фалам.

– Время вышло! – отсалютовали еще не явившемуся солнцу вахтенные лейтенанты, воздев ввысь лезвия своих шпаг.

– Флаг поднять!

Разом развернулись на свежем ветре полотнища кормовых флагов и медленно поползли вверх по лакированным штокам. Засвистели трелями канарей-блоки, на каждом корабле на свой лад и свой манер. И в тот же миг из-за окоема показался край солнца. А многометровые Андреевские флаги, уже развернувшись во всю свою ширь, приветствуя восходящее светило. Русский флот встречал свой очередной день – первый день августа 1805 года.

Итак, флаги подняты. Командующий флотом адмирал Тет, одев на голову увенчанную плюмажем шляпу, придирчиво оглядел ближайшие к нему корабли и велел подать катер, съехал на берег. У трапа адмирала провожал караул с мичманом и лейтенантом во главе. Ударил барабан, засвистала флейта. Несколько поодаль остальных командир "Гавриила". Как хозяин, он должен встречать и провожать своего флагмана.

– Что у вас на сегодня? – прощаясь, спросил его командующий.

– Грузим припасы боевые! – приложил тот пальцы к треуголке.

– Вместо ответа Тет согласно махнул рукой и убыл под барабанную дробь и пушечный залп.

– Сегодня погрузка с боеприпасов, а потому присмотр за всем тройной имейте! – объявил командир своим офицерам и степенно удалился.

– Погрузка порохов всегда дело святое – мичманское! За мной же догляд общий, лейтенантский – хмыкнул офицер вахтенный и поднялся на шканцы править службу и изготавливать пожарную команду.

– Есть! – отозвался мичман и велел звать к себе боцмана, чтоб дать тому наряд на предстоящие работы.

Звали мичмана Владимиром Броневским. Был он из дворян – однодворцев губернии Псковской, от роду же двадцати лет.

Вид на крепость Кронштадт

А из дальнего угла гавани медленно выплывала кроваво-красная пороховая баржа. На мачте ее трепетал огромный красный флаг. Цвет красный – цвет огня и опасности. А потому на палубе баржи раскатаны шланги водяные. Предосторожность не лишняя, ибо погрузка пороховая – дело не шуточное. При проходе баржи мимо кораблей, на них, согласно уставу, гасится всякий огонь. У баржи толстые, круто изогнутые борта и широченные люки для быстрой выгрузки порохов. Из недр ее 100-пушечному "Гавриилу" положено изъять полторы сотни бочек, каждая в английский центнер весом.

Мичман оглядел грузчиков. Как и положено, у всех матросов вывернуты наружу карманы, чтоб не дай бог, где огнива не залежалось. Палубу до кюйт-камеры уже устлали мокрыми матами. Сама кюйт-камера в самом низу трюма. Чтоб добраться до нее, надо спуститься в люк опер-дека, затем через палубу в орлоп-дек, а там уж через брот-камеру и в саму кюйт. В кюйт-камере заведующие уже изготовили шахту с помповым ящиком, где все время имеется вода на случай скорого затопления.

– Господь ныне как никогда близок к нам, ребята! – объявил матросам мичман. – Может, кто и хочет в рай, но вряд ли найдется храбрец, чтоб перелететь туда сегодня по воздуху!

Матросы ответили дружным смехом:

– Жизнь наша веселая, для чего ж смерть звать тошную?

Подошла баржа, началась погрузка. Мичман распоряжается на верхней палубе, внизу в кромешной тьме владеют уже офицер артиллерийский со шкипером. Он расставляет тесными рядами по полкам бочонки. Дело это многотрудное, ибо от того, насколько правильно будут расставлены бочки, будет зависеть, насколько быстро можно будет употребить их содержимое в бою.

Пороха грузят разные. Тот, что из самых крупных зерен – артиллерийский, из зерен среднего – мушкетный, из мелких – ружейный, и уж вся остальная пыль, именуемая пороховой мякотью, идет на приготовление сигнальных ракет и фальшфейеров.

С пороховой баржей матросы управились до обеда. Едва облизали ложки у каш артельных – новая дудка. На этот раз на разгрузку баржи с ядрами. Ядра поднимали сетками с мелкой ячейей. В каждой сети по шестнадцать штук. Один раз сеть все же прорвалась. Однако случилось это в самый последний момент, когда очередную партию уже готовились принять, поэтому

ядра лишь рассыпались по палубе, никого не пришибив. Их быстро собрали и продолжили работы. Наконец опустела и вторая баржа.

На верхней палубе, сидя по-турецки, молодые матросы постигали премудрости сплесней и морских узлов. С нижней доносился визг и грохот катков – там обучали артиллеристов.

Велев произвести приборку после погрузки, с чувством исполненного долга, и отстегнувши шпагу, отправился, наконец, мичман почаяевичать в кают-компанию. Трудовой день уже позади, почему же не побаловать себя чайком с баранками? Но не успел сердешный подцепить щипцами и куска английского рафинада, как рассыльный объявил, что господина мичмана немедленно просят к себе господин капитан. Соседи по столу недоуменно переглянулись: зачем капитану нужен какой-то мичман, когда и лейтенанты туда не частые гости, явно неспроста! Похвальбы от подобных визитов на флоте не ожидают, а потому глядели вслед уходящему с большим сочувствием.

Спустя минуту мичман уже стучал в дверь капитанского салона.

– По вашему приказанию! – доложил.

Сидевший за столом, и что-то черкавший гусиным пером, командир поднял глаза.

– А вот и вы, сударь! Что ж, не получилось у нас, видать, поплавать вместе. Готовьтесь сегодня же перебраться на "Святой Петр". Получено предписание о вашем переводе. Не могу ни признаться, что я огорчен. Виданное ли дело забирать офицера перед самым началом компании, но что поделать, когда все решено без нас. Сколько времени надо на сборы?

– В час управлюсь!

– Вот и хорошо, возьмете дежурную шляпку. Я надеюсь, мне не придется краснеть за своего офицера!

– Можете быть покойны, господин капитан!

– Желаю удачи!

На кубрике в мичманской выгородке Броневский наскоро покидал в рундук нехитрые пожитки. Денщик оттащил его в шляпку. Сослуживцы пожали руки, посочувствовали: покидать родную семью всегда нелегко, как-то там сложится на новом месте?

Ближайшие друзья и однокашники по Морскому корпусу Паша Панафидин и Гриша Мельников тоже торопливо собирали свои рундуки. Первому было велено было перебираться для дальнейшей службы, но на линейный корабль "Рафаил", а второму на "Уриил".

– И чего спешка такая? – удивлялся Панафидин, мыльню и бритву в нассесер запикивая. – Вроде бы всех уже на нынешний год пораспределили, так зачем вновь колоду тасовать?

– Может кому-то в поход дальний идти? – высказал свое предположение Броневский.

– Эх, хорошо бы! – мечтательно закатил глаза Мельников.

Отъезжающих хлопали по плечу ободрающе, мол, все образуется. Броневский с Мельниковым, а за ними и Панафидин спрыгнули с последней ступени трапа в пляшущую у борта шляпку:

– Отваливай!

– Куды грести? – поинтересовался сидящий на руле унтер.

– Вначале к "Петру", а затем на "Рафаил" с "Уриилом"! – ответил за троих Панафидин и обернулся к друзьям. – Интересно бы знать, кто из нас окажется счастливее и вытянет жребий дальнего плавания?

– Скоро все узнаем! – вздохнул Броневский.

Гребцы привычно налегли на весла, и шляпка легко побежала по рейду к видневшемуся вдалеке "Святому Петру". Новый корабль – это всегда новый поворот в судьбе моряка. Что ждет его там, какие плавания, шторма и испытания? Кто может сказать об этом, ведь у мичманов вся служба еще впереди!

Балтийский флот готовился к новой морской кампании, которая должна была быть отличной от иных.

На южном берегу Финского залива у Ораниенбаума вот уже больше месяца в полевых лагерях томились пехотные полки, которые надлежало грузить в трюмы и везти на остров Рюген. Россия стояла на пороге новой войны, на этот раз войны европейской...

* * *

Император Александр Первый, в отличие от своего отца Павла Первого, флота никогда не знал и не понимал, а моряков по просту не любил, считая, что корабли – это дорогостоящие ящики с дурным воздухом, дурной водой и дурным обществом. Своего невежества при этом Александр нисколько не стеснялся.

Александр I Павлович

– Я сужу о делах флотских как слепой о красках! – любил пошутить он в кругу милых дам. Увы, невинные шутки обернулись эпохой полнейшего забвения флота, каковой не было со времен его основателя Петра Великого.

Впрочем, начиналось все, как всегда, с надеждой на лучшее. В 1802 году вместо адмиралтейств-коллегии было образовано Морское министерство, наряду с которым создали и Особенный комитет для насущных флотских реформ. Решено было содержать на Балтике флот равный по силе вместе взятым шведскому и датскому, а на Черном море турецкому. В высочайшем указе, данном комитету, было сказано: "А дабы дать убедительное доказательство истинного Нашего желания о спешном преобразовании сея части (флота), и сколь охотно всеми способами к тому спомоществовать желаем. Мы повелеваем оному Комитету непосредственно относиться к Нам обо всех мерах, каковые токмо нужным почтено будет принять к извлечению флота из настоящего мнимого его существования и ко приведению оного в подлинное бытие". Сказано было, что и говори, сильно, на деле же все было совсем иначе.

Семён Романович Воронцов

Во главе комитета был поставлен сенатор граф Воронцов, который в море бывал лишь раз в жизни, когда его по молодости лет везли пассажиром из Петербурга в Стокгольм. В том давнем путешествии Воронцов страшно укачался и изbleвался, а потому даже спустя годы, одно упоминание о море и моряках приводило его в ужас. На основании собственного опыта сенатор и внушал императору:

– По многим причинам, физическим и локальным, России нельзя быть в числе первенствующих морских держав, да в том ни надобности, ни пользы не предвидится. Прямое могущество и сила наша должна быть в сухопутных войсках... Посылка наших эскадр в прошлом в Средиземное море, и другие далекие экспедиции стоили государству много, делали несколько блеску, а пользы никакой!

И это тайный советник говорил о походах Спиридова и Ушакова, о Чесме и Корфу! Александр, слушая речи такие, соглашался:

– И вправду, сколько можно было бы на эти деньги полков драгунских да пехотных амундировать!

Назначенный первым морским министром умный и деятельный адмирал Мордвинов не удержался на своем посту и четырех месяцев, разругавшись в пух и прах с флотоненавистником Воронцовым.

– Легче сделать, чтобы в Крыму летом валили снега, и осушить сибирские болота, чем переубедить этого упрямого дурака! – говорил он в отчаянии о Воронцове.

Граф немедленно пожаловался императору, и тот поддержал Воронцова. Отныне судьбу флота стал решать владелец несметных сельских угодий, а флотоходец принялся основывать в Москве общество сельского хозяйства...

Преемником Мордвинова на посту морского министра явился Павел Васильевич Чичагов, сын знаменитого адмирала героя Ревеля и Выборга. По воспитанию француз, а по убеждениям англоман. Некогда Чичагов начинал свою службу поручиком гвардии, а потому с Воронцовым они общий язык нашли быстро. Характеризуя личность Чичагова, один из историков

флота писал: "Это был человек очень даровитый, по характеру пылкий, неустойчивый в своих взглядах, неспособный к длительной творческой работе".

Несколько иную характеристику морскому министру дал мореплаватель и адмирал В. М. Головнин: "Избалованное дитя счастья, все знал по книгам и ничего по опытам, всем и всегда командовал и никогда ни у кого не был под начальством... Самого себя считал способным ко всему, а других ни к чему. Подражая слепо англичанам и вводя нелепые новизны, мечтал, что кладет основной камень величию русского флота..."

Павел Васильевич Чичагов

Впрочем, в первые годы царствования Александра флот еще жил временами Екатерины Великой и Павла Первого, а потому, скорее вопреки, чем благодаря реформатором, по-прежнему, являл собой реальную и грозную боевую силу.

* * *

Вот уже год, как Европа кипела праведным гневом. Причины для этого были более чем веские. Подумать только, вчерашний генерал Бонапарт внезапно для всех объявил себя французским императором Наполеоном Первым! Это ли не самозванство! Из всех французов против узурпации власти выступил только один человек – сенатор Карно, но его голос никем услышан не был. Самих французов новоявленный монарх быстро успокоил тем, что решил именоваться не просто императором, а императором Республики! Но одно дело доверчивый французский обыватель, а другое весь сонм европейских монархов, провести которых было не так-то просто. Уж они-то сразу поняли, что отныне корсиканский выскочка становится вровень с ними, а потому жаждали самого жестокого возмездия за столь вопиющую дерзость.

– Быть Бонапартом, а стать императором, так опуститься! – восклицал в те дни французский писатель Курье.

Наполеон I Бонапарт

Людвиг Бетховен, посвятивший Бонапарту свою "Героическую симфонию", в гневе на бывшего кумира, тотчас изменил свое посвящение, размахисто начертав на нотном листе: "Героическая симфония в честь памяти великого человека". Однако Наполеона подобные мелочи уже нисколько не волновали. Новоявленный император отступить от своего решения не собирался, а для того, чтобы придать императорству законность, организовал всеобщий плебисцит. Императора себе французы выбирали как бы всем миром, такого спектакля история еще не знала! Естественно, что результаты плебисцита превзошли самые смелые ожидания. За императора высказалась почти вся Франция. А это развязало Наполеону руки.

В первой же беседе с английским послом Уитвортом, он начал угрожать вторжением:

– Во главе со мной Франция непобедима! На союзников не надейтесь, первой я сотру в порошок Австрию, а потом уже примусь за ваш проклятый остров!

Ошарашенный Уитворт тут же донес в Лондон: "Мне показалось, что я слышу скорее какого-то драгунского капитана, чем главу одного из могущественных государств мира!"

Демонстрируя свою всемогущество, Наполеон не теряет времени и тут же расстреливает в Венсенском рву герцога бурбонской королевской крови Энгийенского, следом за ним гильотинирует на Гревской площади в Париже и знаменитого роялиста Кудадаль, а потом изгоняет из Франции не менее знаменитого республиканца генерала Моро. Теперь Наполеон не боится никого, и не считается ни с кем!

С воцарением Наполеона в моду стремительно ворвался новый стиль – ампир. В переводе с французского, ампир – это империя. Новый имперский стиль должен был навсегда покончить

со средневековыми пережитками в моде и явить миру новый французский взгляд на внешность женщины. В своей основе ампир имитировал псевдогреческий стиль с туниками и культом красивого женского тела без уродующих его фижм и корсетов. Помешать шествию новой моды не смогли ни войны, ни новые границы. Ампир стал настоящим вызовом старой Европе.

Модницы-ампириши, даже сегодня казались бы голыми. Тонкие туники «а ля Диана» без рукавов с разрезами до бедер едва прикрывали грудь. Бальные туалеты из муслина, газа и кисеи были почти прозрачными. Наиболее передовые дамы, эпатируя окружающих, вообще не носили нижнего белья, а ткань смачивали водой перед балом, дабы она, прилипая к телу, лучше подчеркивала нюансы их фигуры. При этом, если свои голые тела модницы выставляли на всеобщее обозрение, то голые руки считались верхом неприличия. Лайковые перчатки натягивались далеко за локоть. На свои головы женщины водрузили шляпки-кибитки и шляпки-кивера, а в руки взяли зонтики от солнца – парасоли и ридикюли.

Увлечение ампиром доходило до абсурда. Женщинам было очень холодно в туниках, они всегда дрожали в плохо отапливаемых салонах и отчаянно мерзли на балах. Но какая мода обходится без жертв!

Добрался новомодный ампир и до скульптуры. Теперь даже политических деятелей ваятели изображали в виде античных героев полуголыми, а то и вовсе голиком. Но пока деятели искусства ваяли Аполлонов и Афродит с лицами заказчиков, французские войска, тем временем, энергично прибрали к рукам Голландию и Ганновер, подошли вплотную к датским проливам. В нейтральной Швейцарии победило профранцузское правительство. На юге началась новая агрессия против Италии. Англии Наполеон выдвинул ультиматум: вернуть Мальту!

Перепуганный Вильям Питт велел Уитворту организовать убийство "узурпатора". Но заговор провалилось. Его участники были схвачены.

– Жребий брошен! – объявил Наполеон. – Я знаю, откуда плетутся заговоры против меня, и я готов к войне. Пусть победит сильнейший!

А штабные офицеры маршала Бертье уже заказывали в парижской типографии не только карты Англии, но и карты Балкан. Последнее было уже слишком. Петербург потребовал от новоявленного императора освободить от своих войск Отрантский полуостров и оставить в покое Ганновер, но Наполеон со смехом разорвал протесты и демонстративно присоединил к Франции Геную. Теперь уж заволновались и в Англии, где сразу же перестали чувствовать себя в безопасности. Отныне флот первой державы мира под началом лорда Нельсона стерег у Тулона флот адмирала Вильнева, стремясь любой ценой не пустить последний к своим берегам.

– Бонапарт сжег свои корабли! – говорили в ту пору в великосветских салонах столицы России. – Не пора бы и нам сжечь свои?

Горацио Нельсон

В декабре 1804 года в соборе Парижской Богоматери состоялись, наконец, и ожидаемые всеми коронационные торжества. По примеру Карла Великого, ставшего императором ровно тысячу лет назад, Наполеон велел, чтобы его тоже короновал папа Римский. Однако если Карл некогда смиренно сам ездил к папе в Рим, то Наполеон велел понтифику самому явиться в Париж. И Пий Седьмой повиновался беспрекословно.

Сама коронация поразила мир пышностью и размахом. А в самый торжественный момент, когда Пий Седьмой поднял, было, уже императорскую корону, чтобы возложить ее на голову Наполеона, тот внезапно вырвал корону у потрясенного понтифика и сам водрузил ее на себя. Жест был многозначительный: новоявленный император демонстрировал всем, что обязан получением короны только себе.

В те дни друг детства российского императора князь Александр Голицын сказал Александру Первому:

– Императорское общество становится не совсем приличным!

Посвящение императора Наполеона I и коронование императрицы Жозефины в соборе Парижской Богоматери 2 декабря 1804 года Художник Давид Жак-Луи

Александра передернуло. Он был задет за живое. Самопровозглашение корсиканца российский монарх воспринял, как личное оскорбление, а потому сразу же начал вынашивать планы отмщения.

Ответом на коронацию Наполеона стало почти мгновенное создание новой, третьей по счету антифранцузской коалиции. Пока Наполеон пугал спрятавшихся на своем острове англичан видом отборной сотысячной армии в Булонском лагере подле Ла-Манша, российский император без устали собирал и сплачивал будущих коалиционеров.

– Мы рассеем страхи и пробудим от апатии Европу против наглого выскочки! – убеждал он австрийского императора Франца с прусским королем Фридрихом- Вильгельмом.

Те осторожничали, но деваться обоим было некуда, Наполеона они тоже ненавидели, хотя и побаивались. После долгих раздумий, новые союзники решили все же выставить против узурпатора-корсиканца полумиллионную армию. Россия и Англия, Австрия и Пруссия, Турция и Швеция, Дания и Сардиния, ГанOVER и Неаполь – все торопливо собирали войска, оружие и деньги. Но все это, казалось, Наполеона совсем не волновало! Наоборот, он демонстративно творил все, что ему в этот момент хотелось. Вслед за Генуей он присоединил к Франции Пьемонт и Лукку. Затем короновался в Милане королем Италии, одновременно деля и раздавая германские княжества, кому как желал. Границы старой Европы трещали и рушились. Мир стремительно изменял свои очертания.

– Я делаю великое дело! – заявлял французский император во всеуслышание. – Я расчищаю авгиевы конюшни средневековья!

3 августа 1805 года Наполеон прибыл в Булонский лагерь. Армия встречала его восторженными криками: "Виват, император!"

– Солдаты! Скоро вы раздавите англичан и завоюете вечный мир своим потомкам! – объявил император армии.

Усатые "ворчуны" согласно кивали медвежьими шапками:

– Наш маленький капрал свое дело знает, даром, что теперь еще и император! Меж тем близился сезон туманов. Наполеон был уверен, что для удачной высадки в Англию ему будет достаточно всего лишь одного туманного дня. Под его прикрытием Наполеон надеялся проскочить мимо английского флота, стянутого к проливам. Из Булони он отправил курьера в Тулон к командующему Средиземноморским флотом адмиралу Пьеру Вильневу. Адмиралу надлежало идти с флотом в пролив на соединение с Ламаншской эскадрой и союзным испанским флотом, чтобы затем объединенными силами обеспечить успех высадки. Еще никогда в своей истории Франция не собирала столь мощной армии, а потому без всяких натяжек Наполеон стал именовать ее Великой...

Взирая через Ла-Манш на столь серьезные приготовления к завоеванию, Англия немела в ужасе. Сен-Джеймский кабинет пребывал в полнейшей прострации. По приказу премьера Вильяма Питта-младшего в Дувре учредили наблюдательный пост, с которого наблюдатели день и ночь следили за французским берегом. Увидев приближающийся десантный флот врага, они должны были выстрелить из пушки. Большого для дела обороны от победоносных французов не мог предложить даже неглупый Питт. Конечно, у Британии был победоносный флот, но победоносной армии у нее никогда не было. И в этот безнадежный момент, Англию защитили ее союзники. Спасая Туманный Альбион, первыми выступили австрийцы.

Пьер-Шарль-Жан-Батист-Сильвестр де Вильнёв

Вслед за ними двинулись скорыми маршами русские армии генералов Кутузова и Буксгевдена. В Лондоне повеселели:

– Теперь корсиканцу будет не до нас! Посмотрим, как он справится с австрийцами и русскими! По крайней мере, пара хороших оплеух Бони обеспечена!

Что касается России, то там Наполеона никто не боялся. Настроение в наших войсках было самое боевое. Старуха княгиня Дашкова, провожая уходящие на войну полки, слезно просила офицеров доставить ей Бонапарта в клетке.

– Дайте нам только до него проклятого добраться! – смеялись те в ответ, – А об остальном, уж, и не беспокойтесь!

"Трудно представить, какой дух одушевлял тогда всех нас, русских воинов... Нам казалось, что мы идем прямо в Париж" – вспоминал впоследствии один из участников похода 1805 года.

Сам же Наполеон, тем временем, терзался сомнениями, где ему лучше нанести решающий удар: по Англии или по Австрии? Булонский лагерь жил ожиданием прибытия кораблей адмирала Вильнева. Его флот должен был, по мысли Наполеона, прикрыть высадку от британских армий. Он мог весь лечь на дно, но обязан был продержаться один день. Всего лишь один день и Англия будет поставлена на колени! В том, что британская армия будет сметена мощью французских штыков, не сомневался никто.

Но долгожданного Вильнева все не было и не было. Зная, что его всюду сторожат английские эскадры, Вильнев не торопился покидать Тулон. Помня Абукирский погром, он опасался новой встречи с Нельсоном. Меж тем, вести с востока становились все тревожней. Русские и австрийские армии пришли в движение. Надо было что-то срочно предпринимать и на что-то решаться!

– Если я через пятнадцать дней не буду в Лондоне, то через двадцать я должен быть в Вене! – заявил Наполеон, быстро просчитав возможные варианты.

– Но где, наконец, этот трус Вильнев? – спрашивал он, в который уже раз маршала Бертье. Тот пожимал плечами. Известий из Тулона все не было.

– Я не могу больше ждать ни одного дня! – стукнул по столу кулаком французский император. – Пишите указ об отстранении Вильнева с должности за трусость, а мы не будем больше терять времени. Нас ждут поистине великие дела! Пусть Лондон еще подождет, мы же пока займемся Веней!

Глава вторая

Республика Семи Островов

Российский флот заявил о своем очередном долговременном присутствии на Средиземном море еще в 1798 году, когда туда прибыла Севастопольская эскадра вице-адмирала Федора Ушакова. Именно тогда российские моряки освободили одним ударом от французов Ионический архипелаг во главе с главным островом архипелага Корфу, не менее успешно сражались они и в Италии.

Ионические острова – важнейший форпост Средиземноморья. Если Мальта – ключ к западной части моря, то владеющий Ионическими островами – владеет всей восточной частью. Острова контролируют Венецию и Далмацию, восточную Италию и торговые пути в Константинополь. А потому как за Мальту, так и Корфу борьба шла непрерывная. Первым решил, было, вопрос для себя с теми островами Наполеон. Затем Корфу отбили русские, а Мальту англичане. Император Павел Первый мечтал и о Мальте, но претворить в жизнь свою мечту не успел. По Амьенскому мирному трактату англичане обязались вернуть Франции Мальту, но не вернули, что и послужило началом новой многолетней войны. Наши сумели сохранить Ионический архипелаг за собой.

Тогда же на Корфу и других греческих островах в Адриатике было образована независимая Ионическая республика, именуемая в народе республикой Семи островов. В состав ее входили острова Корфу, Санта-Мавра, Кефалония, Занте, Цериго, Итака (или Малая Кефалония), Пакса. Кроме этого республике принадлежало и небольшое местечко на албанском берегу против острова Пакса, именуемое Парго. Официальное покровительство над новым государством приняли на себя Россия и Турция, однако на деле страна Семи островов признавала только российский протекторат.

По завершении экспедиции Ушакова и возвращении главных сил в отечественные порты, на Средиземноморье остались лишь фрегаты "Святой Михаил" и "Назарет" капитан-командора Сорокина. Первоначально фрегаты были переданы в распоряжение Неаполитанского короля и содержались за счет его казны. Затем перевезли на Корфу для охраны острова, находившиеся в Неаполе гренадерские батальоны и артиллерийскую команду.

И фрегаты командора Сорокина, и гренадеры полковника Назимова подчинялись советнику президента Ионической республики Савио Авино графу Моцениго. Сам граф был откомандирован на сию высокую должность российским министерством иностранных дел в ранге полномочного министра и чине статского советника.

Фёдор Фёдорович Ушаков

Русский человек обживчив. Устроились и наши на Корфу. Первым делом восстановили они старый венецианский форт на островке Видо, что прикрывает подходы к главной гавани Корфу, затем укрепили главные цитадели в самом городе, наладили адмиралтейство и арсенал. Мир с турками позволял беспрепятственно доставлять припасы из Севастополя.

Сорокин был начальником хозяйственным. Мясо и вино он закупал на Корфу, крупы и масло в Турции, пшеницу в Одессе, а муку с сухарями привозили из Севастополя. Когда не хватало денег, капитан-командор смело брал у местных банкиров займы под свое честное имя. С невероятным трудом, но выбил капитан-командор у морского министра и бывшие недоплаты. С обмундированием команд Сорокин особо не церемонился – каждый мог ходить в том, в чем желал, а потому фрегатские команды напоминали собой самые настоящие пиратские ватаги. Все загорелы, босоногие с платками, завязанными узлом на затылке и с тесаками за широкими кушаками.

О капитан-командоре Сорокине шла слава, как об одном из лучших ушаковских капитанов. И в сражениях корабельных, и в десантах – всюду он значился первым из первых. Потому на Средиземном море он за старшего, и был оставлен. Квартирова несколько лет кряду в одном из домов, сошелся близко капитан-командор с дочкой хозяйской, а когда та родила ему сына, то с гречанкой и обвенчался. На девицах корфиотских тогда не один офицер и матрос переженился. Сорокин тому вовсе не препятствовал, а сам с удовольствием сидел в отцах посаженных.

– Чем больше семейств у нас общих будет, тем крепче мы стоять станем в Адриатике! – говорил он офицерам фрегатским – Так что женитесь, кому невтерпеж!

Ионические острова на карте современной Греции

Не возражал против такого родства и граф Моцениго, сам из греков острова Закинф. Приглашали греков служить и на суда российские. Те не отказывались, потому, как платил Сорокин всегда монетой звонкой исправно. Случайные заезжие на Корфу, теперь удивлялись: где греки, где русские? На кораблях российских матросы меж собой по-гречески переговариваются, то ли матросы повыучились, то ли греков в командах полно. На улицах же городских торгуются и покупают, говоря уже по-русски. Раньше в местных харчевнях царила смертная тоска, теперь, как в хороших российских трактирах, веселились на славу. Уже под утро выбирались из них наши моряки в обнимку с мореходцами греческими, распевая вместе:

Ты лейся песня удалая!

Лети кручина злая прочь!

И кто мог разобрать, кто там русский, а кто грек?

В отличие от всей остальной Греции Корфу никогда не была под властью турок, входя в состав Венецианской республики. Может поэтому, здешние греки держались всегда более независимо и гордо чем остальные? С нашими же они не только дружили, но и с радостью роднились, крестили детей, вместе справляли праздники. Очень многие местные жители поступали на русскую службу и занимали там посты не малые!

Матросы воскресными днями с подружками своими под ручку прохаживались по набережной, позади детишки общие бегали, одно слово кричат так, другое этак. Священники корабельные, те вовсе от митрополита корфиотского не выбираются: вместе и службу служат в соборе Святого Спиридония, вместе и святые писания вслух читают. А если и спорят, то лишь по вопросам важным, догматическим:

– Это почему же, все-таки, вы паству в церквах по лавкам рассаживаете, словно отступники римские? – возмущаются, время от времени наши. – С господом надлежит стоя общаться или же на коленях поклоны бить! Так еще в Византии древней было!

– То как господу нравится, нам не ведомо! – оправдывались служители греческие. – К тому ж чего паству зазря на ногах держать, пусть и посидят малость, в ногах правды-то нет!

Остров Корфу (9 рисунков крепостей)

Поспоривши так промеж себя, ехали затем отцы церковные сообща на муллах в обитель Богоматери Палеокастры, что на отвесной скале над морем вот уже пять веков стоит. Пили там вина монастырские, оливками закусывая, да распевали гимны церковные. Мимо монастыря в облаке парусов, куда-то проплывали суда. Попы севастопольские в морском деле здорово сильны. Прищурят глаз и со знанием дела изрекают:

– Энто "Назарет" куды-то поспешает. Хорошо идет, полным ветром! В кильватер же ему никак "Михаил" с "Диомидом" держат. Красиво идут, что на картинке! Благослови их путь, господи!

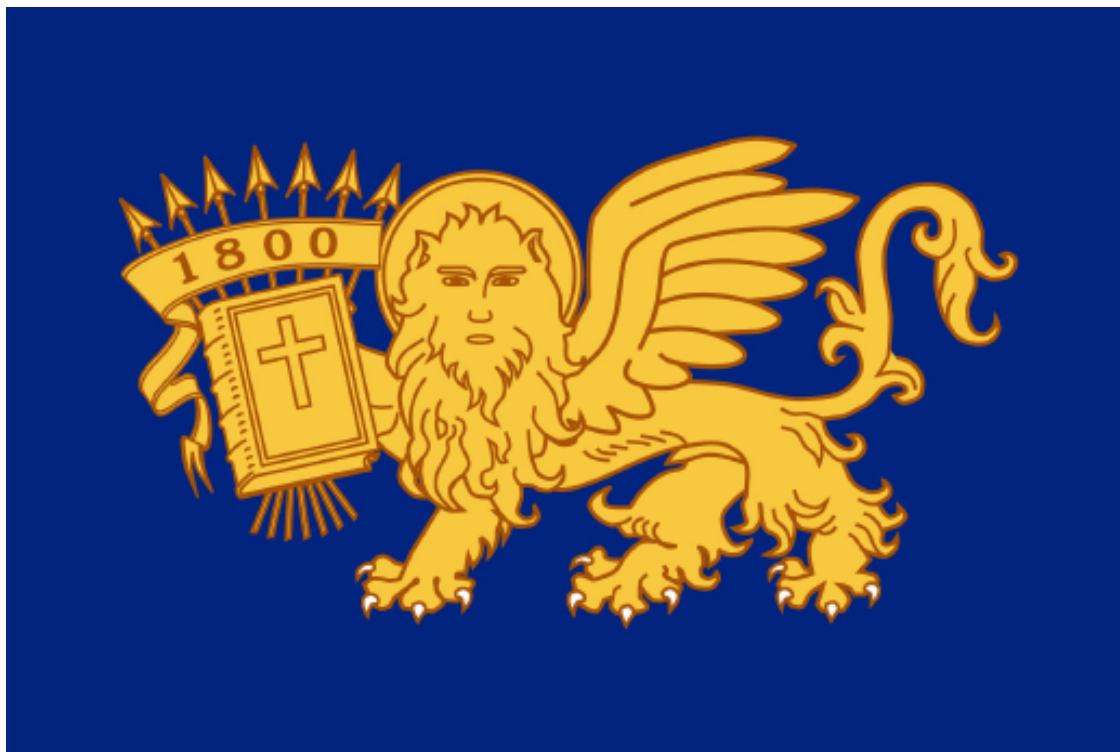
Иногда в Корфу заворачивали, ошалевшие от нескончаемых дозоров английские фрегаты. Едва на рейде показывался сине-красный флаг, хозяева харчевен прикрывали ставни: знали, британцы тихо гулять не умеют, коль пришли, значит, будут драки. наших задирать сыны Туманного Альбиона не решались, а выясняли отношения большей частью между собой. Не отставали от матросов и офицеры. Те, принявши изрядную дозу на грудь, а под руку, взявши портовую деву, как правило, отправлялись в местную оперу. Там какое-то время слушали певцов, а затем сами выскакивали на сцену и, оттолкнувши перепуганных исполнителей, на глазах изумленной публики, что есть мочи, плясали джигу. Выдохнувшись, возвращались в партер, после чего опера продолжалась. И наши, и греки относились к подобным выходкам снисходительно. Моряки, они понимали, что значит годами не видеть дома и земли!

Территория республики занимала 6 больших и несколько малых островов в Ионическом море

Впрочем, случались и происшествия. Так однажды "Назарет" обнаружил на маленькой скале Цериготто, что неподалеку от острова Цериги, кричащих людей. То была команда потерпевшего крушение английского судна, которая умирала с голода на одинокой морской скале.

Из хроники пребывания российского флота на Корфу: "Люди сии с капитаном своим спаслись на скалу сию и много дней боролись со смертью. Капитан, видя матросов своих, мучающихся голодом и жаждой, убеждал их, чтоб они убили его и употребили в пищу, ибо от его неблагоразумия они погибают. Но как благородные мученики сии не соглашались, то слабою рукою герой вонзил кортик в сердце себе и истек кровью".

Флаг Республика Семи Островов

Слава Богу, что до каннибализма дело не дошло, и русские моряки сняли англичан со скалы. На Корфу их подлечили, откормили и отправили на родину попутным судном. Перед расставанием англичане плакали:

– Мы до конца своих дней будем рассказывать о вашем благородстве и сострадании! Мы никогда не забудем русского гостеприимства в русском городе Корфу!

– Это лишне! – говорили им наши. – Все мы странники морские под Господом ходим, а потому и помогать в несчастиях друг другу должны!

После провозглашения себя французским императором, Наполеон занял Анкону, Отранто и Бриндизи и, настроив крепостей по всему восточному побережью Адриатики, начал угрожать Ионической республике. Моцениго пригласил к себе командора Сорокина и полковника Назимова. – Положение тревожное! – сказал им. – Надо укрепляться, где только возможно!

С общего согласия Назимов занялся приведением в порядок крепостей и береговых батарей, Сорокин принялся строить канонерские лодки. Вскоре последние были готовы. Каждая канонерка на шестнадцать гребцов, а впереди пушка. Неказистые с виду, они получились весьма мореходными. И если борта были не слишком высоки, то все же, по мнению историка: "гребцы были защищены если не от пуль, то от нескромных взглядов неприятеля". Команды канонерок составлялись интернационально: россияне и греки, православные албанцы и огреченные итальянцы. Все они дружно присягали Андреевскому флагу и клялись храбро умереть под его сенью, если потребуется.

Корфу с каждым днем все больше и больше становилось настоящим русским островом, словно случайно закинутым в этакую даль от всей остальной материковой России. Сегодня историки почему-то забыли, что в то время ВСЕ население Корфу и остальных Ионических островов приняло русское подданство, а потому пользовалось всеми правами российских жителей. Мы же с вами будем об этом помнить!

К 1804 году Россия, связи с военными приготовлениями Наполеона, вновь начала наращивать свои морские силы на Средиземноморье. К концу года туда прибыл с Балтики отряд

капитан-командора Грейга: линейные корабли "Ретвизан" с "Еленой", фрегаты "Автроил" с "Венусом".

Начальник отряда Алексей Самуилович Грейг был личностью весьма примечательной. Сын героя Чесмы и Гогланда, он поставил абсолютный рекорд в карьере. Находясь еще в утробе матери, был произведен императрицей Екатерины II за заслуги отца в мичманы. В десять лет Грейг был уже лейтенантом и флигель-адъютантом в штабе собственного отца, в двадцать три – капитаном 1 ранга. Учился в Англии, плавал в Ост-Индию, отличился, командуя кораблем "Ретвизан" в боях у берегов Голландии. Как и отец, числился Грейг – младший – английским поданным, хотя в душе и сердце всегда был истинно русским человеком.

Алексей Самуилович Грейг

Отличали Алексея Грейга образованность и профессионализм, жажда деятельности, нелюбовь к спиртному и... невероятная скромность. Был Алексей Самуилович, несмотря на головокружительную карьеру и все свои связи, в обычной жизни чрезвычайно застенчивым человеком, особенно это касалось дам, в присутствии которых Грейг всегда краснел и терял дар речи. Может именно поэтому, числился капитан-командор в записных холостяках и был вожаком мечтой многочисленных петербургских мамаш, имевших дочерей на выдане. Впрочем, последнее волновало Грейга мало, тем более, что сейчас он был поставлен во главе самого ответственного из предприятий – Средиземноморского.

Моряки черноморские, уже ветераны здешних вод, балтийских своих сотоварищей встречали радостно:

- С каких губерний, братцы, будете? – спрашивали, обнимаясь.
- Мы вологодские, да архангельские! – отвечали балтийцы.
- А воронежских, да рязанских, неужель, нету среди вас? – Воронежские да рязанские поди все во флоте Севастопольском, мы ж из городу Кронштадту приехали!
- А все одно, земляки! – вновь обнимались да целовались воронежские с вологодскими, а рязанские с архангельскими.

Командор Сорокин принял командора Грейга со всем хлебосольством. Хозяйка с дочкой стол заставили, локтя не положить.

– Давай, Алексей Самуилыч, по первой за твое прибытие успешное! – поднял стакан хозяин. – С меня угощения, а с тебя новости петербургские!

– Дай бог не последняя! – отозвался Грейг. – А главная новость сегодня одна – воевать с французами снова будем скоро, для того сюда и присланы!

– На большую свару все равно сил маловато будет. – Покачал головой многоопытный Сорокин. – Француз нынче силен! Вон в Тулоне у Вильнева адмирала флот стоит линейный, да еще и гишпанский в Кадисе не меньше. У нас ж с тобой раз, два, да обчелся!

– О Вильневе с испанцами пусть у англичан голова болит! – придвинул к себе жареных перепелов Грейг. – Мы, когда в Портсмут заходили, они там серьезно драться собираются, да и по пути, пока плыли, вдоль всех берегов дозоры стоят, французов стерегут. К тому ж в Кронштадте поговаривают, что еще отряд будет послан командора Игнатьева.

– Что-то уж больно много у нас на Корфу командоров собирается, – хмыкнул Сорокин, апельсин от кожуры очищая. – Хотя б адмирала, какого дали!

– Адмирал тоже будет, – отодвинул Грейг от себя тарелку с салатами, – Его эскадра должна выйти следом за Игнатьевым.

– А кого посылают?

– Сенявина! – сказал Грейг, принимаясь за помидоры с брынзой.

– Что ж, выбор не плох, – кивнул Сорокин, разлив еще по одной. – Сенявина я хорошо еще по здешней прошлой кампании помню. Кораблем он командовал лихо, да и в Севастополе мы с ним накоротке когда-то были. Ну, а как там Федор Федорович поживает?

– Ушаков сейчас при гребном флоте в Выборге заведует. Выборг – дыра, галеры – одно старье, еще со шведской войны, а потому адмирал с Чичаговым ныне в контрах. Ходят слухи, будто он уже и на пенсион засобирался.

– Жалко если уйдет! – вздохнул с сожалением Сорокин. – Таких, как он, теперь почитай и не осталось!

– Как там лорд Нельсон? – поинтересовался он чуть погодя. – Мы с ним знакомцы старые. Море, ведь сам знаешь, тесное, все друг дружку почитай знают!

– Нельсон и готовится, как раз, к драке с Вильневым.

– Мы с лордом по Александрии знаем, – помолчав, сказал Сорокин. – Меня туда в девяносто восьмом Федор Федорович посылал на "Михаиле" ему в помощь! Моряк Нельсон, конечно прекрасный, только уж больно гонору много!

– У каждого свои недостатки! – ответил Грейг дипломатично.

– Давай что ли за наши успехи на водах Мидетеранских! – поднял полный стакан Сорокин.

– За успехи, это всегда можно! – заулыбался Грейг. – Ну, будем!

Несмотря на то, что морской министр старшинство среди двух капитан-командоров так и не определил, то ли по забывчивости, то ли из каких-то иных соображений, но те сами разобрались во власти. Решили так: на Корфу главным Сорокин, Грейг же возглавляет крейсерские походы.

Историк флота лейтенант Н. Каллистов писал: "В республике Семи Островов снова водворилась, таким образом, русская сила и наше господство было теперь безраздельным: ни турецкого флота, ни турецких сухопутных сил на островах не было. Согласно договору о республике Семи Островов Турция оставила в своем владении (да и то через полунезависимых пашей), только принадлежавшую республике часть албанского побережья, которая в равно же степени находилась под покровительством России и защитой ее флота; в этих местах нами сформировались для отправления на Корфу особые албанские отряды".

Спустя неделю Алексей Самуилыч уже вывел в Адриатику черноморские фрегаты. Обстановка международная меж тем с каждым днем осложнялась и теперь отряды русских судов несли непрерывные дозоры, следя за передвижениями французов.

Начал готовиться Грейг и к операции по перевозке войск на материк. Согласно плану, принятому коалицией на совещании в Вене в июле 1805 года, на эскадру Грейга возлагалась задача перевезти наши войска с Корфу в Неаполь. Оттуда, соединившись с англичанами и неаполитанцами, под главным командованием генерала от инфантерии Ласси, они должны были выбить французов из южной Италии вплоть до долины реки По.

Полки были надежные, огнем пытаные не раз, еще суворовские: Сибирский гренадерский, Витебский, Козловский, Колыванский, 13-й и 14-й егерские и Алексопольский. Рекрут не было, одни ветераны!

Приняв на борт своих кораблей войска, Грейг, как и было предписано, перевез их в Неаполь. Прибытие русских было встречено итальянцами с всегдашней искренней радостью. Неаполитанцы были настроены против французов воинственно и решительно. Все желали драться! Теперь оставалось лишь подождать прибытия англичан, и можно было выступать в поход за освобождение Италии.

Глава третья

Эскадра Средиземного моря

Над Ревелем собирался очередной промозглый дождь. Над высокими кирхами зябли жестяные лютеранские петухи. Слякотная балтийская весна сменилась не менее дождливым летом. Несмотря на воскресный день, командир порта контрадмирал Дмитрий Николаевич Сенявин заехал в порт, чтобы поглядеть что там и как. Стараясь не попасть в лужу, прыгнул с коляски. По всей Новой гавани копошились люди. Буквально несколько месяцев назад было вынесено высочайшее решение, сделать из Ревеля главный порт для Балтийского корабельного флота по образцу и подобию французского Тулона. Дело это не дешевое, а стоит многих миллионов, но необходимое. Причины на то веские, ибо гавань Ревельская по низкости ее бруствера худо защищала корабли от северных ветров, да и тесна была невообразимо. Что касается Кронштадта, то тамошние частые обмеления и позднее вскрытие ото льда давно удручали моряков. А потому было решено переводить флот в Ревель. Для чего, оставив его старую гавань купеческим судам, начали строить новую для военных, да такую, чтобы могла вместить в себя весь Балтийский флот. С каждым днем строительство все более и более разворачивалась. Уже были закончены оба крыла нового бруствера, и теперь шла их отделка. Буквально на глазах из сонного порта Ревель превращался в новый мощный форпост государства на балтийских берегах.

К оглядывавшему стройку контр-адмиралу подошел инженер из остзейских немцев, развернул перед ним план порта.

– Старый гаван будем одеват камен здес и здес! – ткнул пальцем в план. – А новый гаван надо бы еще расшират сюда и сюда!

– Есть ли на то уже выверенные расчеты? – щуря глаз, поинтересовался командир порта.

– О, да, да! – замахал пухлыми руками немец. – Расчет уже ест и это отшен хорош расчет!

– Привезите мне его вечером на квартиру, я погляжу! – кивнул контр-адмирал. – Помните, что по расчетам коллегии Новая гавань должна вмещать три десятка кораблей!

– О, то нет проблема! – опять замахал руками немец. – Вместит и много больше, были б корабли да моряки короши!

– Это уже наша забота! – ответил Сенявин, – Жду вас к вечеру!

Приняв год назад порт в самом запущенном состоянии, Сенявину уже удалось отремонтировать маяки, выстроить новую кузницу и блоковые мастерские, починить столярную. Но более всего волновала ныне Сенявина денежная смета на реконструкцию порта. Ее, подсчитав весь объем предстоящих работ, определили в огромную сумму – триста пятьдесят тысяч рублей. Однако, в связи с разгоравшейся войной в Европе рассчитывать хотя бы на ее часть было бы наивно. Теперь надо было как-то выкручиваться самому.

В портовой конторе, куда контр-адмирал завернул, чтобы глянуть пришедшие казенные бумаги, уже ждал забрызганный грязью курьер.

– Вам пакет от министра! – вскочил он, едва завидев входящего Сенявина. – Велено передать, что дело весьма срочно!

Сенявин надорвал пакет. Пробежал глазами текст. Морской министр Чичагов срочно вызывал его в Петербург по какому-то безотлагательному делу.

– А что за дело? – спросил курьера.

Дмитрий Николаевич Сенявин

– Не могу знать точно, ваше превосходительство, – ответил тот, – Но говорят, что нынче все пойдем бонапартиев бить!

– Что ж, – кивнул Сенявин, – Бонапартиев бить – это всегда полезно!

Перед отъездом в столицу контр-адмирал наскоро заскочил домой проститься с женой и детьми. Супруга Тереза Ивановна лишних вопросов не задавала, помня, что муж их не любит. Лишь собрала одежду и еду в дорогу, да на прощание перекрестила:

– В добрый путь и скорого возвращения!

Мимо прыгающей по брусчатке адмиральской коляски, шествовали в Екатерининтальский публичный сад обыватели: румяные и дородные жены ремесленников, чтобы покружиться в вихре вальса, их мужья, чтоб поговорить меж собой за кружкой пива, да поиграть в кегли. За городской заставой брусчатка кончилась. Трясаясь в дорожном экипаже, Сенявин глядел на раскисшие от дождей бесконечные дороги, да обдумывал возможные причины своего столь скорого вызова.

Пока контр-адмирал едет на перекладных в Петербург, познакомимся с ним поближе. Право, он этого стоит! Вот как характеризовал Сенявина его современник, историк Д.Н. Бантыш-Каменский: "Дмитрий Николаевич Сенявин был росту высокого и стройного; имел прекрасные черты и много приятности в лице, на котором изображалась доброта души, и всегда играл свежий румянец. Наружность его вселяла любовь и почтение. Будучи крепкого сложения, никогда не жаловался он на болезни, и лечение его состояло в домашних простых средствах. Он отличался веселостью, скромным и коротким нравом; был незлопамятен и чрезвычайно терпелив; умел управлять собою; не предавался ни радости, ни печали, хотя сердце имел чувствительное; любил помогать всякому; со строгостью по службе соединял справедливость; подчиненными был любим, не как начальник, но как друг и отец: они страшились более всех наказаний – утраты улыбки, которую сопровождал он все приказы свои и с которою принимал их донесения. Кроме того, он был исполнен преданности к престолу и дорожил всем отечественным. В обществах Сенявин был любезен и приветлив. С основательным умом он соеди-

нял острый, непринужденный разговор; знал языки: немецкий, французский, английский и итальянский, но не говорил, ни на одном из них и с иностранцами, общался посредством переводчика".

Поглядывая в окошко на раскисшую от дождей дорогу, Сенявин не знал еще, что эта поездка перевернет всю его последующую судьбу...

* * *

Неделей ранее к императору Александру был срочно зван морской министр Павел Чичагов.

Чичагов был молод, деятелен и честолюбив. В царствование Павла Первого за излишние умствования был заточен в казематы Петропавловской крепости, затем, правда, прощен, но нимб мученика уже витал над ним. Взошедший на трон Александр Первый, по этой причине сразу же сделал Чичагова членом Госсовета, затем и морским министром, а кроме этого держал при себе в качестве дежурного генерал-адъютанта. Несмотря на ум, образованность, близость к императору Чичагова не любили. Видано ли дело, когда столь важный сановник вслух рассуждает об освобождении крестьян и поддержке буржуа! Да и в своем министерстве новый министр все норовил переделать и преобразовать по-своему, кто поперек – того в отставку! Многие из-за этого на Чичагова зуб имели немалый. Но пока был Чичагов в фаворе у императора, недруги побаивались, ожидая своего часа. Их время еще придет.

С началом войны министр определил основные задачи флоту: Прежде всего, Балтийский флот должен был доставить десантный корпус из наших портов в шведскую Померанию, для совместных действий с англичанами. Балтийский отряд командора Грейга, посланный в Средиземное море, должен был совместно с находящимися на Ионических островах судами флота Черноморского совместно защитить остров и крепость Корфу от возможных французских посягательств, кроме этого они же должны были перевезти наши войска из Корфу в Неаполь для защиты Неаполитанского королевства. План был вполне разумен и толков, смущало одно: хватит ли сил на все сразу?

Вместе с Чичаговым явился по вызову и министр иностранных дел империи князь Адам Чарторыйжский, из поляков.

– Мы стоим на пороге большой войны! – объявил император обоим министрам, без долгих вступлений. – Противник более чем серьезный – сам Бонапарт! Последние известия из Парижа весьма тревожные: французы вновь зарятся на Ионический архипелаг! Меня интересует, каков теперь наш флот на Корфу?

– Силы весьма ни велики, ваше величество, а потому на большой успех надеяться не приходится! – выступил вперед Чичагов.

К чести Чичагова стратегическое значение Корфу он понимал прекрасно и делал все возможное для наращивания там сухопутных и морских сил. Именно благодаря его настойчивости, Россия имела там уже до восьми тысяч солдат, а вместо одинокого фрегата "Назарет", находившегося в гордом одиночестве там, в 1803 году, уже несколько черноморских корабельных отрядов: Леонтовича, Салтанова, Белли, Мессера, Макшеева под общим началом многоопытного капитан-командора Сорокина. Для контроля над Адриатикой в мирное время и защиты от возможных посягательств со стороны турок, и созданной адмиралом Ушаковым республики Семи островов всего этого было более чем достаточно, но для войны с французами явно мало. Этот факт и волновал российского императора.

– Что именно мы имеем на рубежах Мидетеранских? – пролорнировал он своего морского министра.

– Дивизию генерала Анрепа, что стоит на Корфу еще со времен суворовских да отряд командора Грейга. Объединившись с черноморскими судами командора Сорокина, на первых порах интересы наши в водах Средиземных обеспечить будет можно.

– Велик ли отряд грейговский?

– Пять кораблей, столько ж фрегатов да дюжина корветов с бригами!

– Ну а сможет ли Грейг противостоять французскому флоту в случае посягательства того на наши острова? – спросил Александр Чичагова.

– Нет, – решительно мотнул головой морской министр, – При существующем соотношении сил, французы нас растерзают!

– Тогда безотлагательно следует подкрепить грейговский отряд еще одной хорошей эскадрой! – подумав, решил Александр. – Как скоро можно будет отправить корабли?

– Думаю, что в два месяца управимся! – отозвался Чичагов. – Работы предстоит не мало!

– Управитесь в полтора! – твердо сказал император. – Ну а кого отрекомендуете в главное командование на Средиземном море? Там нужен моряк с головой! Генерал Ласси и командор Грейг для этого не подходят: первых сухопутный, да и стар уже, второй, наоборот, еще слишком молод.

– Из флагманов нынешних достойных и по старшинству два: Ханыков да Кроун!

– не задумываясь, ответил Чичагов.

– Но Ханыков тоже стар, а Кроун англичанин. Нам же в делах греческих обязательно нужен командующий из православных, – высказал свое мнение, молчавший до тех пор Чарто-рыжский. – У вас же, Павел Василич, в Рогервике Ушаков на гребном флоте сидит. Он в делах средиземноморских известный мастер, да и греками любим весьма. Может снова его туда заслать?

– Этого не надобно! – поморщился Александр. – Больно уж своенравен. Кто у нас помимо Ушакова еще сыщется?

– Есть еще Ревельский портовый командир Сенявин. Чин имеет контр-адмиральский, в море знающ, в боях пытан. К тому же русский и из старой фамилии.

– Адмиралу Алексею Наумовичу не сын ли?

– Нет, ваше величество, племянник! Сыном он приходится умершему вице-адмиралу Николаю Ивановичу Сенявину.

– Что за сим кандидатом в послужном списке?

– В турецкую войну хорошо дрался в корабельном флоте. Отмечен крестом Георгиевским. Вместе с Ушаковым хаживал в море Средиземное, был при Корфу. Затем командовал портом Херсонским, а теперь и Ревельским.

– Что в море Мидетеранском побывал, то хорошо. Сколько годов от роду?

– Сорок два. Возраст весьма подходящий: и молод и опытен!

– Что ж, креатур и в самом деле не плохой, – помолчав, кивнул Александр Первый, – Однако прежде все же снесите в Рогервик со стариком Ушаковым. Хочу я и его совета насчет кандидатуры флагмана средиземноморского выслушать!

– Ушаков и вправду Сенявина знает, как никто иной, да и ныне оба в одной и той же дивизии Белого флага состоят! – склонил голову Чичагов.

Расставшись с вышедшими министрами, император облегченно вздохнул. Флотскими делами он всегда занимался с едва скрываемым отвращением.

На следующий день Чичагов вновь прибыл к царю. На этот раз у него был новый план. Морской министр предложил Александру двинуть на Средиземное море весь Балтийский флот. Сам он был готов возглавить этот поход. Со стороны Черного моря тоже предполагалось перебросить дополнительные силы к сторожившему Корфу двумя фрегатами командору Сорокину.

– Нет! – покачал головой император. – Большую часть сил непременно следует оставить на Балтике, ибо возможные обострения со шведами, да и кто знает, куда задуют политические ветры завтра! Я оголять столицу не позволю, ни при каких обстоятельствах! А кроме этого вам еще надо готовить с Тетом десантную операцию в Померании.

После таких слов Чичагов сразу же потерял личный интерес к затеваемой экспедиции и вернулся к старым кандидатурам на пост командующего. Вызванному из Рогервика в Петербург Ушакову министр передал суть разговора с царем.

– Теперь хотелось бы выслушать и ваше маститое слово! – спросил затем министр.

– Мои отношения с Сенявиным вы знаете. Никогда я его не терпел, не терплю и сейчас. Однако, глядя правде в глаза, скажу одно: лучшего адмирала вам на эту должность во всем флоте не сыскать. Будет Сенявин на Корфу, будет там и удача несомненная! – сказал, как всегда честный и прямой старик Ушаков.

В тот же день в Ревель был отправлен курьер с приказанием командиру порта, сдав дела, срочно прибыть в столицу для конфиденциальной беседы с морским министром.

От Невы до здания морского министерства всего пара шагов. Адмиралтейство тех лет уже поражало современников русским ампиром, тритонами и якорями в отделке фасада. Морская атрибутика должна была, по мнению архитекторов, навевать посещающим здание «под шпирцем» настроения романтические.

Чичагов быстро ввел Сенявина в курс дела. Ни о каком отказе от должности речи быть не могло. Да такого бы себе Дмитрий Николаевич никогда и не позволил, коль он нужен Отечеству, значит он готов!

– Когда надо отплыть? – спросил лишь только.

– Вчера! – изобразил улыбку Чичагов. – Корабли для вашей дивизии мы уже определили в Кронштадте, работы на них вот-вот начнутся, но дел еще хватит всем, а вам в первую очередь. Как всегда, много забот с пушками и такелажем, о командах я уже и не говорю. Сегодня же езжайте в Кронштадт и занимайтесь всем на месте.

– Мои полномочия?

– Действуйте моей властью и выгребайте все, что только можно! Высочайший указ о вашем назначении будет подписан на днях. Копию его я вам тотчас перешлю. Время и обстановка не ждут!

Засучивать рукава Сенявину и вправду пришлось всерьез. До его приезда, начальников кронштадтских отправка эскадры не особенно волновала. Все пришлось начинать почти с чистого листа. Для отправки на Средиземное море были первоначально определены 74-пушечные "Москва", "Петр" и "Ярослав", вместе с ними легкий фрегат "Кильдюин". Чуть позднее к ним были добавлены 80-пушечные "Уриил" и "Селафаил".

Большинство кораблей к походу были еще абсолютно не готовы и неукомплектованные. К тому же в мае собирались выходить в море и главные силы флота под началом адмирала Тета, отряженные для перевозки десанта в Померию. Поэтому поначалу Сенявину пришлось особенно тяжело. Вскоре, конечно все встало на свои места: императорские указы, контроль министра свое действие возымели, но работать Сенявину и его помощникам приходилось все равно круглосуточного.

Флагманским кораблем Сенявин определил «Ярослав». Решил сразу же переселиться на него, чтобы быстрее вникать в дела.

Отправился посмотреть свое будущее жилье. Часовой с мушкетом посторонился, пропуская Сенявина в салон. Помещение было довольно просторным помимо трех, задрапированных 24-х фунтовых пушек, вмещало рабочий стол, который в случае необходимости на время совещаний и званых обедов мог раздвигаться. Перед столом на палубе ковер. Когда-то, видимо, был красивым, но уже изрядно повитерт. Немало флагманов по нему хаживало! Здесь же несколько крытых лаком шкапов: для книг, документов и карт. Один из шкапов с секрет-

ным замком для особо важных бумаг. Из салона дверь в спальню. Там кровать с ковриком на переборке, рядом прикроватный столик, шкаф для белья. Поглядел, решил, что над кроватью надо повесить портрет супруги. Перину, подушки и простыни предстояло еще купить. В дальнем углу зеркало с медным рукомошкой и рундук. За спальней еще помещение – кормовая галерея, протянувшаяся вдоль всей кормы. Сквозь большие кормовые окна било солнце от окрашенных в бежевый цвет переборок пахло свежей краской. Тут же в ряд стояли еще три ретирадные пушки. Что ж, салон как салон, мало ли их уже было на его веку, не лучше и не хуже иных.

Пётр Иванович Ханюков

Чем только не приходится заниматься командующему эскадрой, уходящей в дальнее плавание! Как всегда, главной проблемой оказалась укомплектованность команд – извечная беда российского флота. Дело в том, что, начиная с петровских времен, в матросы, как и в офицеры, определялись крестьяне определенных губерний, таких, как Ярославская, Костромская, Рязанская. Особенно всегда ценились матросы-рекруты из архангелогородских поморов и финны, как приученные к морю с раннего детства и знавшие корабельное дело.

Большинство рекрут, однако, вообще, видело море в первый раз в жизни. Это затрудняло их обучение. К тому же подавляющее большинство рекрутов было неграмотными, что создавало трудности в использовании их, как рулевых, комендоров и лотовых. Однако все эти недостатки в значительной мере компенсировались природными русскими качествами: их неприхотливостью, старательностью в освоении нового для них дела, преданностью и готовностью к подвигу. Считалось, что в течение первых пяти лет службы матрос должен освоить свои обязанности и только после этого мог считаться полноценным членом экипажа. На практике все обстояло иначе. Рекрут толпой загоняли на уходящие корабли перед самым отплытием и натаскивали уже прямо в море. И в этот раз опытных матросов Сенявину предлагали лишь третью часть. Остальных предстояло учить прямо в море с самых азов.

Много из необходимого снаряжения просто не было. Часть парусов первого и второго комплектов пришлось так и брать поддержанными, а третий и вовсе предстояло шить своими силами уже в пути. Только что назначенному командующему приходилось дотошно вникать в каждую мелочь. От всего этого голова шла кругом. То эскадру заваливали сальными свечами, которые при жаркой погоде плавятся в несколько часов, то откуда-то навезли ломаных брендспойтов, а то и вовсе в ведомостях припасов, предполагаемых к погрузке на "Кильдюин", их оказалось столь много, что бедный фрегат, погрузивши все в трюмы, попросту затонул бы прямо у причальной стенки.

Привезли, к примеру, на эскадру пыжи. Сенявин только глянул, головой покачал:

– Не пойдут! Эту дрянь я брать не стану!

– Это еще, почему же не пойдут! – разозлился чиновник в ранге не малом полковничьем. – Все честь по чести и пыжи, и бумаги к ним сопроводительные!

– А потому не пойдут, что пыжи у тебя из пакли, а мне нужны овчинные, чтоб полностью при выстреле в стволах сгорали, и не приходилось их в бою оттуда лохмотьями выковыривать! Извольте заменить!

Едва разобрался с пыжами, как завезли банники со щетиной. Снова пришлось вмешаться и менять на овчинные, чтобы не столь быстро в каналах ствольных трепались.

Главный командир Кронштадтского порта вице-адмирал Ханыков нервничал:

– Чичагов дает на все про все какие-то две недели! Сроки для нас почти невыносимые. Ну и спешка, мечемся, что голый на пожаре!

– Сейчас самое главное: укомплектовать корабли, да завалить трюма припасами!

– высказывал свое мнение Сенявин. – С остальным на переходе сами разберемся! Скоро сентябрьские шторма и нам, кровь из носу, надо успеть проскочить Атлантику до их начала!

– Всех скакунов к указанному сроку подковать все одно не успеем! – развел в ответ руками Ханыков. – Придется, как и в прошлые экспедиции посылать частями! Ты, Николаич, двигай первым, а остальных мы уже вдогон тебе соберем.

– Нет уж! – покачал головой Сенявин. – На носу война большая, а потому плыть мы будем все соединительно!

– Ну, дело твое, как знаешь! – развел руками Ханыков. – Сколь успеем, столь и сделаем!

Вечером в каюте, Сенявин наскоро набросал на бумаге то, что надо закупить себе на переход. Командующий эскадрой не должен выглядеть нищим! Посмотрел и покачал головой, ибо выходило немало! Надлежало купить пяток поросят, пару дюжин кур, несколько пар башмаков, не самого дешевого вина пять-шесть дюжин. Адмирал все должен иметь свое, а не побираться в кают-компани. Портвейн, херес, мадера, табак, сигареты, яблоки, дюжину рубах, три-четыре пары шелковых чулок – для визитов и всевозможных официозов. Ящичек чая, перец, корицу, гвоздику, восковые свечи – все это надо адмиралу для поддержания собственного достоинства. Закупку надо поручить адъютанту, для денщиков это сложновато. Вспомнил и о любимом вишневом варенье. Пометил, тоже бы не забыть. Хорошо бы еще прикупить книг, таких у него уже целый рундук, но надо бы в книжную лавку в Петербурге не забыть заглянуть при случае, глянуть новинки, в том числе и по морскому делу.

В один из дней заявился к Сенявину на прием лейтенант Хвостов со своим неразлучным другом мичманом Давыдовым. Оба просились на эскадру. Против Давыдова Сенявин против не имел ничего, что же касается Хвостова, то, несмотря на его храбрость в прошлой шведской войне, известен он был на флоте Балтийском как дерзкий на язык с начальниками и скорый на драку со всеми остальными, кто имел неосторожность вызвать его неудовольствие, особенно, когда лейтенант пребывал в изрядном подпитии. Хвостову Сенявин в вакансии отказал.

– Я и до моря Средиземного добраться не успею, как ты всех кулаками своими уже порасшибаешь!

– Ну и ладно! Не у вас, так в ином месте прославлюсь! – гордо отвечал "буйный" лейтенант.

Без своего закадычного друга отказался от своей просьбы и Давыдов.

Если бы тогда Сенявин только мог знать, что, отказывая в должности этим двух офицерам в экспедиции Средиземноморской, он, тем самым, сам того не подозревая, открывает новую страницу русской славы в водах Тихоокеанских!

* * *

По старой традиции командам, уходящим в дальнее плавание, давались сутки на прощание с женами и детьми и последнюю гулянку. Вначале отмечалось все по домам, потом в казарме, затем по дороге на судно и в кабаках. Офицеры смотрели на это сквозь пальцы – традиция есть традиция!

В казармах кораблей, уходящих в Средиземное море, шум и гам. В полном разгаре прощание с друзьями и женами. Вот изрядно подвыпивший матрос крепко обнимает свою сожительницу и ласково утешает ее. Та хнычет и жалуется:

– Ваня, голубчик, на кого ты меня покидаешь! Хошь и жили как собаки с кошкой, а все ж таки тошно расставаться!

– Эх, не плачь, Аксинья, душечка, может еще и свидимся! А что еду, на то царская воля, ей не перечь! Ну, коли много бил тебя за то прости. За это самое четыре года бить тебя не стану! – утешал матросик, крепко обнимая дрожайшую половину.

Последняя успокаивается и перестает хныкать. Муж же одолеваемый винными парами, понемногу склоняется и сладко засыпает на коленях своей нежной супруги.

В другом углу казармы муж читает своей жене нотацию:

– Ты у меня смотри, Акулина, с другими не валандайся, матросского имени моего не срами, а то, как приеду, все твои косы повыдергаю. Хорошо жить будешь, ей-ей гостинцев заморских навезу!

– Я, Яков Матвеевич, – говорит Акулина, – Буду жить, как Бог велел и порочить имя твое не стану.

– То-то, – отвечает Яков Матвеевич, – Ты у меня смотри!

И это «смотри» сопровождается столь ужасным жестом, что Акулина со страхом попятилась назад.

– Не бойся, Акулинушка, не бойся! – успокаивает ее Яков Матвеевич, – Побью только, когда баловать станешь, а не станешь, так и на што бить-то?

Затем началось шествие на суда. Вначале возы с матросским скарбом. За возами шла команда в строю под музыку, сопровождаемая земляками друзьями, женами и детьми. Впереди команды вели традиционного козленка с выкрашенными рогами и бубенцами на шее. Все кричали «ура», горланили песни:

*Ведут Фомку во поход
Фомка плачет – не идет
Вот калина, вот малина!
Не хочет Фомка в поход!
А хочет Фомка к девице!
Вот калина, вот малина!
Чтоб малость поприжиться,
Каждый день опохмелиться!
Вот калина, вот малина!
На черта Фомке поход,*

Он бакштагом к девке прет!

По дороге уходящих матросов щедро угощали вином и пивом, угощений было столько, что до судна дошло меньше половины. Остальные добирались в течение дня, повиснув на плечах жен и друзей.

Из записок современника: «Смешно было смотреть на подвыпившего матроса, который подходя к кораблю бодрился, вырывался от своих вожакон и во чтобы то ни стало, желал выказать твердость своих ног; но сделавши два-три шага, ноги, не смотря на все усилия матросика найти для них надежную точку опоры, отказывались ему служить, и он с громким кряхтением падал в грязь.

– Земляк – бормотал он – ей-ей остуился, а то бы всенепременнейше прошел бы. Эка проклятая дорога. Да подымите же голубчики!

И подбегают к нему напоившие его земляки, и опять берут под руки, он же, не надеясь более на твердость своих ног, кротко позволяет волочить себя по грязной земле...»

Наконец, к вечеру все собраны и на судне воцаряется надлежащая дисциплина. Следующим утром команды уже к подъему флага во фронте с музыкой. На шканцы последним поднимается командир, оглядывает застывший строй и командует:

– Поднять флаг, гюйс и вымпел!

Стоящий рядом старший офицер репетует:

– Флаг, гюйс и вымпел поднять!

Все разом снимают фуражки, музыканты играют марш и флаг взлетает вверх, колыхаясь на ветру. Когда флаг, гюйс и вымпел подняты, раздается торжественный гимн «Боже царя храни» при этом офицеры и матросы крестятся и шепчут молитвы. Наконец музыканты кончили играть и все накрылись фуражками. После этого командиры поздравили офицеров с предстоящим плаванием, а затем, обратившись к команде, говоря речь краткую, но весомую:

– Поздравляю ребята с началом компании! Будьте молодцами не ударьте перед врагом лицом в грязь в дальних морях и чужих странах, заставим всех сказать: ай да русский матрос, мое почтение!

– Благодарим покорно, рады стараться ваше высокоблагородие! – раздался громкий, радостный и единодушный крик.

Соловьями заливается боцманская дудка и боцмана кричат:

– Марш по работам!

А работы впереди поистине край непочатый, впереди еще и высочайший смотр!

Глава четвертая В «Безвестную»

Уходя в плавание, сенявинские матросы тут же окрестили его «безвестная». Так и говорили:

- Ты, Митрич, куда в эту компанию поплывешь?
- Да с Сенявиным в безвестную!
- Тогда мое тебе почтение!

Почему назвали именно так? Да, потому, что вестей из дома в этом долгом и дальнем плавании не будет никаких, да и неизвестно, когда придется возвратиться.

...Они прощались на причале Купеческой гавани: братья Гавриил и Никифор. Лейтенанту Никифору Невельскому предстояло уйти в плавание на линейном корабле "Москва". Старший же Гавриил оставался на Балтике.

– Ты уж батюшке с матушкой пиши почаще, – наставлял старший младшего, – Сам ведь знаешь, каково им там в своем Солигачске быть о тебе в неведении, да и меня не забывай вестями тоже!

- О чем речь, – обнимал старшего за плечи младший, – Никого не забуду вниманием!
- Перед расставанием братья еще раз крепко обнялись и расцеловались троекратно.

– Ни пуха тебе не пера, Никифор! – пожелал остававшийся уходящему.

– К черту! – крикнул тот в ответ, уже прыгая в отходящую шлюпку. – Не волнуйся за меня, не пропаду!

У каждого из братьев Невельских будет свой путь. Судьба обоих будет славна, но и на редкость жестока. Впрочем, они еще ничего о том не ведают...

Удалось, в последний раз свидеться и Броневскому и с Панафидиным. Первый был послан командиром в портовую контору за какими-то бумагами, а второй, подобные бумаги подписавши, уже возвращался на корабль. Встретились, обнялись, словно сто лет не виделись.

– Ну, как ты на новом месте?

– А ты как?

– Наш "Петр" назначен в эскадру Сенявина и сейчас спешно готовимся к отплытию! – не без гордости сообщил другу Броневский. – И Гришки Мельникова "Уриил", кажется, тоже!

– Знаю! – кивнул тот без особой радости. – А мой "Рафаил" назначен лишь во внутреннее плавание. Так что будем мять волны от Кронштадта до Гогланда и обратно! Вот и вся любовь! Впрочем, туда же расписан младший брат Захар, вместе, может, будет не так тоскливо.

– Не переживай сильно! – приободрил друга Володя Броневский. – Обещаю, что буду тебе писать!

– И я тоже!

– Прощай!

– Прощай!

Пожали друг другу руки и разбежались в разные стороны. Время не ждало.

* * *

25 августа в Кронштадт для произведения смотра уходящей эскадре пожаловал в сопровождении большой свиты и сам император. Прибыв катером на флагманский "Ярослав" вместе с морским министром, он принял рапорт командующего.

– Поздравляю вас, Дмитрий Николаевич, производством в вице-адмиральский чин! – сказал он затем, прожимая руку Сенявину руку. – Желая быть достойным вашей славной фамилии!

Сенявин склонил голову:

– Не пощажу жизни ради блага Отечества!

– Павел Васильевич! – обратился к Чичагову Александр. – В салонах сейчас пошли разговоры о вашей внешней схожести с господином вице-адмиралом. Как вы это находите?

Александр подошел и встал против министра рядом с Сенявиным. Внешнее сходство императора с вице-адмиралом и вправду было поразительным: оба высокие, круглолицые, одинаково лысеющие и даже с одинаковыми, по тогдашней моде, бакенбардами.

Император натянуто улыбнулся. Было трудно понять, доволен он таким сходством или нет.

– Вы, ваше величество, отец Отечества, а мы ваши дети. Как же при этом нам не быть на вас похожими! – нашелся Чичагов.

Все трое немного посмеялись. Александр обладал несомненным даром быть обворожительным, когда это ему требовалось. На прощание император еще раз пожал Сенявину руку:

– Политические инструкции получите перед самым уходом, и благослови вас бог!

Затем император пожаловал офицеров и служителей полугодовальным денежным жалованием.

Встречавший Александра Балтийский флот растянулся на семь верст. Император обходил корабли на гребном катере под штандартом. За ним попевали в гребле катера адмиралов всех трех дивизий под шелковыми флагами. Едва императорский катер оказывался на траверзе очередного корабля, как расставленная по реям и мачтам команда громко и перекатами возгласила "ура". По проходу же следовал полновесный холостой бортовой залп.

Спустя несколько дней, в Кронштадте объявили манифест о войне с Наполеоном.

В первых числах сентября эскадра вице-адмирала Сенявина вытянулась, наконец, из Кронштадтской гавани. А 10 числа эскадра вице-адмирала Сенявина, получив способный ветер и, оставив за кормой неприступную россыпь Кронштадтских фортов, вышла в повеленное плавание.

Из воспоминаний морского офицера: «...Отслужен был напутственный молебен. Горячо молились мы, просили у Бога благополучного плавания. Молебен, можно сказать, был торжественный: то была искренняя и истинная молитва странников, пускающихся в далекое и опасное плавание. Все сердца наши бились одним желанием увидеть еще раз родину, родных и дорогих сердцу. На глазах многих блестели слезы; многих это, может быть, последняя на родине молитва, привела в сильное волнение. Умильно молились и матросики и горячо преклонили колена, со слезами на глазах, при возгласе священника: «О плавающих и путешествующих, Господу помолимся!»

После молебна корабли вступили под паруса и взяли курс на Ревель. Согласно старой, еще петровской традиции, линкоры выстроились в походную кильватерную колонну, согласно старшинству своих капитанов.

Под началом вице-адмирала был 84-х пушечный "Уриил" капитана Михайлы Быченского, 74-пушечные "Ярослав" капитана Митькова (на нем держал свой флаг Сенявин), "Святой Петр" капитана Баратынского и "Москва" капитана Гетцена, 32-х пушечный фрегат "Кильдюин" капитана Развозова, чьи трюмы были загружены запасными мачтами, стеньгами и реями.

Вместе с командиром "Уриила" Михайлой Быченским -3-м в плавание отправился и младший брат Алексей (Быченский-4-й). Братья (а всего их было пятеро и все морские офицеры) были очень дружны между собой и отличались хлебосольством. Иван Быченский за номером вторым, командовал кораблем «Святая Елена» и уже ранее ушел в Средиземное море

в эскадре Грейга. Обычно Быченский-3-й, приглашая гостей к накрытому столу, предупреждал:

– Кто хочет быть пьян, садись подле меня! Кто хочет быть сыт, садись подле Ивана, а кто хочет повеселиться, садись к Лешке, он у нас самый смешливый!

Командир «Ярослава» Федот Митьков тоже был моряк опытный, храбро дрался в последнюю шведскую войну под Барезундом и Выборгом, потом командовал фрегатом «Венусом». О Митькове шла молва, как о человеке вдумчивом и рассудительном, да и артиллеристе отменном.

Командир «Москвы» Егор Гетцен тоже прошел все сражения прошлой шведской войны. Опыта было ему не занимать, а характер имел взрывной и искательства не признавал. Здоровья же был слабого и часто прибаливал, хотя и скрывал свои немочи.

Командир «Венуса» Егор Развозов, как и все, прошел шведскую войну, отличался лихостью, а товарищами был любим за веселый и добрый нрав.

В каждом из своих командиров Сенявин был уверен, как в самом себе, за каждого мог поручиться головой.

Помимо собственных команд на кораблях были офицеры и матросы, предназначенные для комплектации команд легких судов, которые надлежало заполучить для эскадры на Корфу во главе с капитан-лейтенантом Сульменевым. Там же пребывали начальствующие лица будущей портовой администрации Корфу: главный контролер капитан 2 ранга Шельтинг, хозяйственник капитан-лейтенант Лисянский, обер-аудитор Черепанов и их помощники.

В интрьумы, помимо всего прочего, загрузили три тысячи ружей, амуницию, медикаменты.

На выходе бранвахтенный фрегат "Архипелаг" поднял сигнал: "Счастливого плавания" и разогнал дремавших на волнах чаек прощальной салютацией.

Запершись в своем салоне, Сенявин надорвал вензиловые печати секретного пакета. Инструкция гласила: "...Снявшись с якоря и следуя по пути, Вам предлежащему, употребите все меры, морским искусством преподаваемые и от благоразумия и опытной предусмотрительности зависящие, к безопасности плавания вашего и к поспешному достижению в Корфу..." Командующему рекомендовалось избегать портов шведских, прусских и особенно голландских. Пользоваться же портами стран союзных: датскими и английскими.

В течение дня тихий переменный ветер держал эскадру в виду Кронштадта, но перед самым захождением подул, наконец, попутный вест и корабли пошли, имея до восьми узлов. В двадцать часов мичман Броневский заступил на свою первую вахту на "Петре". Вахтенный мичман – первый помощник вахтенного лейтенанта. Его обязанность следить за носовыми мачтами и вести параллельно со штурманом счисление. А потому бегал Володя Броневский от борта к борту, пеленговал пель-компасом приметные места, чертил от них противные румбы. Следил, как матросы бросают с кормы лаг. Каждые полчаса записывал ветер, ход и дрейф.

Илья Андреевич Баратынский

Капитан Баратынский, выйдя на шканцы, подозвал к себе новоявленного офицера.

– Мичман Броневский! – представился тот.

– Ну-с, господин мичман, посмотрим, чему вас учили на "Гаврииле". Говорят, что на флагманских кораблях готовят мичманов с особым тщанием?

– Мы имели ежедневный практик с первым лейтенантом и ежемесячный экзамен с флагманом – капитаном.

– У нас такого тщания не имеется, однако и наши мичманы кое-чего стоят. Что же, касается вас, то не скажите ли вы мне преимущества меркаторской проекции над всеми иными?

Володя Броневский призадумался. Надо хотя бы несколько секунд, чтобы собраться с мыслями.

– Я спросил что-то слишком сложное? – саркастически улыбнулся капитан.

Стоявший поодаль вахтенный офицер и капитан-лейтенант явно заинтересованно прислушивались к беседе. От того, как она пройдет, зависело для нового мичмана очень многое, причем, не только в отношении капитана, но и в отношении всех офицеров.

– В меркаторской проекции градусы меридиана уменьшены в той соразмерности, в какой параллельные круги отстоят от экватора. Сама карта представляет земной шар, разогнутый на плоскость.

– Ну, а в чем же, собственно говоря, преимущество? – нетерпеливо напомнил Баратынский.

– Преимущество же меркаторское состоит в том, – не моргнув глазом, уже лихо чеканил "гавриловский" мичман. – Что сии карты в отличии от всех прочих могут употребляемы во всех широтах и больших пространствах, ибо в разогнутой плоскости расстояния и положения сохраняются в том же виде, что и на земле!

– Для начала неплохо даже для мичмана с флагманского корабля! – улыбнулся капитан и отошел прочь.

Род Баратынских на флоте российском известный. Служат они верой и правдой еще с петровских времен. Так уж повелось, что все в роду – моряки. Да и впоследствии лишь один решит избрать себе иную стезю, став великим поэтом России. Поэту Баратынскому командир "Святого Петра" будет родным дядей, не потому ли в поэзии племянника будет столько много морской стихии?

Самого Илью Андреевича на флоте любили и офицеры, и матросы. Был он требователен, но не придиричив к офицерству, а к младшим чинам и вовсе имел сострадание. В шведскую войну, будучи при Гогландском сражении еще лейтенантом, был Баратынский тяжело ранен и валялся на палубе без признаков жизни. Хотели было выбросить его матросы за борт с остальными погибшими, но, любя, решили еще раз поверить: жив ли. Расстегнули мундир и, приложив ухо к груди, услышали, как едва, но все же бьется сердце. Так Баратынский остался жив. С тех пор был он матросам вообще, что добрый отец. Служилось, по этой причине, на "Святом Петре" легче и веселее, чем на многих иных кораблях.

Итак, первое испытание, кажется, было уже позади. Командир, да и остальные кажется, остались его ответами довольны! Это Броневский понял, уловив краем глаза, как, показывая на него что-то, говорил вахтенному офицеру капитан-лейтенант, а тот согласно кивал головой. На каждом корабле флота свои собственные порядки. На одних мичмана варились в своей среде, на "Петре" их иногда приглашали за лейтенантский стол, чтобы последние приобщались к разговорам умным.

Вечером после вахты Броневский представился в кают-компании по всей форме при накрытом столе, выпивке и закусках. Лейтенанты водку оценили, как хорошую, а закуску, как сносную. После ужина мичмана пригласили в лейтенантскую выгородку, где ему было объявлено:

– По знаниям ты вполне достоин служить на "Петре", что же касается практики, то для этого скоро будет свой случай! Считай, что отныне ты в нашу "петровскую" семью ты уже принят! Чти старших, дружи с равными, а службу бди неослабно! Понял ли?

– Все понял, господа лейтенанты! – кивнул мичман. – Не сомневайтесь!

– Мы и не сомневаемся! – ответил за всех лейтенант Акимов – Мы воспитываем! К ночи попутный ветер усилился, и корабля взяли ход. По старому морскому поверью коки выбрасывали свои с наветренного борта в море свои колпаки на удачу!

Старинные шканечные журналы... Сколько неповторимого аромата давно канувшей в небытие эпохи старого парусного флота доносят они до нас! Вчитайтесь в скупые и лаконичные строки, полистайте пожелтевшие страницы и сразу окунетесь в совершенно иной мир, мир мореплавателя кануна девятнадцатого века. Возможно, это поможет нам лучше понять их. Из записей в шканечном журнале линейного корабля "Уриил" за 13 сентября 1805 года: "...После 9-ти часов утра, следуя флагману, эскадра наша вступила под паруса, начав лавировать при посредственном от юго-востока ветре. В исходе 12 часа утра прошли мы на перпендикуляр курса Наргинскую красную вежу, видимую нами к NtW в антретном (т. е. измеренном – В. Ш.) расстоянии 1-й итальянской мили, а в начале 1 часа пополудни – Мидель-Грундскую белую вежу, на румбе S 1/2 O в антретном расстоянии 1 1/2 кабельтова от нас отстоявшую. В исходе сего же часа катер "Нептун" прошел мимо нас с Ревельского рейда к западу, а в 5 часу пополудни же пришел мы со всей эскадрой на Ревельский рейд, по сделанному от флагмана сигналу, стали на якорь по способности каждого. На рейде в сие время находились также на якоре: брандвахтенный фрегат "Нарва", катер "Стрела" и до 7 разных наций купеческих судов".

Шли ходко, и к вечеру следующего дня эскадра была уже на высоте Ревеля. Ночью отставались между Наргеном и Сурупским маяком. С рассветом открылась так хорошо знакомая всем балтийцам колокольня Олай-кирки. Пришедшие корабли приветствовал старший на рейде капитан-командор Бодиско, готовивший к отправке караван транспортов с десантом на остров Рюген.

– Желаю вам удачи, Дмитрий Николаевич, в водах Средиземноморских! – пожелал он Сенявину.

– А вам в водах Балтических! – отвечал тот со всей благожелательностью.

В Ревеле Сенявин должен был пополнить припасы. Кроме этого команды пополнили недостающими матросами. Новому пополнению особенно не радовались. Вместо обещанных просоленных штормовыми ветрами марсофлотов Сенявину дали толпу рекрутскую. Многоопытных забрал себе по праву старшинства адмирал Тет. Пришлось довольствоваться тем, что дали. Залились свежей водой из речки Бригитовки. Одновременно свезли в ревельский госпиталь и нескольких тяжелобольных. Командиру "Уриила" Быченскому-3-му Сенявин указал на то, что его корабль хуже всех иных в ходу.

– Поглядите со стороны на свой корабль! – показал рукой в сторону "Уриила". – Помоему он несколько проседает носом!

Да Михаил Быченский и сам все видел. Командир "Уриила", возвращаясь обратно, обошел шлюпкой вокруг своего корабля, чтобы лучше оценить осадку, затем спустился в корабельный интрюм, самолично все там оглядеть, потом собрал офицеров и боцманов.

– Для увеличения хода необходимо сделать перемену в погрузке, чтобы облегчить корабль вообще, а кроме того, соображаясь с конструкцией подводной его части, поставить на ровный киль! – Быченский развернул бумажку с наскоро сделанными расчетами. – Для сего из ахтерлюка необходимо поднять весь каменный балласт – это 1496 пудов и выбросить его за борт, что касается балласта чугунного, то 400 пудов с бочками средней руки надобно переместить ближе к корме. Кроме сего переместить надлежит 100 пудов чугуна из малого погреба, что позади ахтерлюка, да 500 пудов из форлюка. Времени для сего у нас мало чрезвычайно, а потому немедля играть аврал!

– Есть! – приложил руку к шляпе старший офицер капитан-лейтенант Бортви́г. – Боцмана к дудкам!

Встав в круг, боцмана вскинули к губам дудки и по взмаху руки главного боцмана разом разразились оглушительным свистом. Палуба линейного корабля содрогнулась от топота матросских ног. Аврал – это значит, предстоит работа для всех, вне зависимости от чинов и вахт. Служители торопливо выстраивались вдоль фальшборта.

– Офицеры и урядники по подразделениям! Боцманам играть развод на работы авральные!

Мгновение и на "Урииле" все закипело.

Догнал эскадру в Ревеле и надворный советник Сиверс, командировочный к Сенявину, министерством иностранных дел, для сношений с правительствами и послами. Надворному советнику, несмотря на всю тесноту, выделили отдельную каюту, гость, как никак!

Пользуясь стоянкой, Сенявин заскочил домой. Последний вечер среди семьи пролетел одним мгновением. Утром супруга Тереза Ивановна собрала вещи в неблизкую дорогу. Положила и любимого вишневого варенья. На прощание перекрестила:

– Только бы все вышло благополучно! Я же буду за тебя денно и ночью молиться! Храни тебя и твои корабли господь!

Сенявин просил ее в гавань не ехать: долгие проводы – долгие слезы. Поцеловал жену, затем детей: Николеньку, Левушку, Константина и Машутку с Сашенькой. Когда-то их всех теперь вновь увидит?

Из шканечного журнала корабля "Уриил": «16-го числа в половине 11 утра поднятым на флагманском корабле, при пушечном выстреле сигналом, велено было всем офицерам и служителям собраться на свои суда, и более от оных не отлучаться без позволения флагмана. В исходе 2 часа пополудни на вице-адмиральском корабле "Ярослав" при пушечном выстреле отдан был фор-марс, что и означало, дабы эскадре нашей быть в готовности к походу, почему

после сего, следуя оному кораблю, немедленно на всех прочих судах эскадры отдали также фор-марсу...

17 числа во втором часу пополудни на флагманском корабле, при пушечном выстреле, отдали марсели, чрез что и повелевалось всей эскадре сняться с якоря, почему в следующем же часу, как мы со своей эскадрой... снялись с якоря и начали, держа к западу, при тихом SSW ветре выходить из Ревельской бухты. В начале 5 часа с идущего от запада на Ревельский рейд катера "Нептун" салютовано вице-адмиральскому флагу из 9 пушек, на что с корабля "Ярослав" ответствовано было 7-ю выстрелами. В исходе сего часа прошли мы на перпендикуляр курса Мидельгрудской белой вежи, без флага шест, на румб SSW в антретном расстоянии 2-х кабельтовых от нас находившейся; а в 5 часов на южном рифе острова Наргина красную вежу на румб N в антретном расстоянии 1 1/2 кабельтова от нас отстоявшую...»

За кормой уходящих в неизвестность кораблей тревожно кружились чайки. Вдалеке исчезали берега российской земли. Когда-то доведется их увидеть вновь?

* * *

Получив отказ от Сенявина на участие в Средиземноморской экспедиции, лейтенант Николай Хвостов с мичманом Гавриилом Давыдовым остались в Кронштадте при береговых должностях. И началось! Утром плац и барабан, днем плац и барабан, да и вечером все тоже. Плевался Хвостов, чертыхался Давыдов. Лейтенант Хвостов, из-за ненависти лютой к порядкам армейским, стрелялся с каким-то пехотным капитаном и, хотя оба остались, к счастью, живы, морской министр немедленно упек лейтенанта на гауптвахту. Когда же оттуда Хвостов вышел, то почесал затылок:

– Так дальше жить, только себя губить!

И отправились они с Давыдовым в министерство просить отставку. Чичагов прошение Хвостову подмахнул без всяких раздумий, уж очень буйный. Давыдова спросил:

– С Хвостовым мне все понятно, но отчего не хочешь служить ты?

– А я хочу быть рядом с другом! – ответил мичман.

– Чем же хотите заняться?

– Будем поступать в Российско-Американскую компанию!

Чичагов недовольно хмыкнул:

– Ишь, чего удумали! Америк им захотелось! Но бумагу с прошением все же подмахнул.

Оформление в Российско-Американскую компанию времени много не заняло. Там приходу офицеров обрадовались несказанно:

– Нам такие, как вы, позарез нынче нужны! Будете у нас в шоколаде купаться!

– Шоколад нам ни к чему, а вот приключений испытать весьма бы хотелось! – ответил за двоих Хвостов.

Чиновники компанейские разом рассмеялись:

– Уж чего-чего, а приключений будет вам столь премного, что еще и не возрадуетесь!

– Мы готовы! – отвечал теперь уж Давыдов.

– Тогда с Богом в путь к берегам океана Восточного и Великого!

Тут же вручили им дорожные бумаги и увесистый мешок с деньгами.

– Отныне вы капитаны судов Российско-Американской компании, а сокращенно слово к запоминанию весьма легкое и понятное – РАК!

Много ли сборов у морских офицеров: выпили отходную с сотоварищами, простились с родными, бросили вещи в почтовую коляску и вперед!

...Был поздний весенний вечер, когда друзья поскакали в Америку. Давыдов плакал... Позднее он сам напишет об этих нелегких минутах: "В самое то время я взглянул на Николая и увидел, что он старается скрыть свои чувства, может быть для того, чтобы меня больше не

тревожить. Я пожал у него руку и сказал: "У нас теперь остается одна надежда друг на друга!" Тут поклялись мы в вечной дружбе..."

"Я скрывал грусть, – вспоминал о тех же минутах Хвостов, – чтобы не терзать твое сердце мягкое, потом нечаянно столкнулись наши руки, невольно одна другую сжали крепко, был не в силах более. Слезы покатали рекой, и мы поклялись быть друзьями, заменив этим всех и вся..."

Что ждало наших героев впереди? Ведь края, куда они ехали, были еще совершенно дики. Население далекой Америки было воинственно и жестоко, а поселенцы отличались не только жадной наживы, но и полным равнодушием к смерти, как к чужой, так и к своей. Не редкостью был в тамошних краях и голод, а уж по океану плавали, как придется. Вот как описывает историк тогдашнее тихоокеанское мореходство: "Ходили по морям на судах речных, кое-как построенных, плохо скрепленных и весьма бедно снабжаемых, под управлением людей, едва знавших употребление компаса и часто не имевших никаких карт. Ходили на удачу, выкидываясь в нужде на первый попавшийся берег, погибая на нем или опять стаскиваясь, и гибли во множестве. Бывали примеры, что из Охотска в Кадьяк приходили на четвертый только год, потому что плавают самое короткое время, идут с благополучными только ветрами, а при противном, лежат в дрейфе... и не имеют понятия о лавировании... Случается, что суда были носимы по месяцу и по два по морю, не зная с какой стороны у них берег. Люди тогда доходили до крайности, от недостатка пищи, а еще более воды, съедали даже сапоги свои и кожи, коими обвертывается такелаж..."

Прочитав эти строки, становится понятным та радость, с какой руководство РАКа приняло на службу двух знающих и опытных морских офицеров.

... На исходе четвертого месяца Хвостов с Давыдовым добрались, наконец, до Охотска. Позади остался тяжелейший и полный опасностей путь. Дважды их жизни были на волоске. В первый раз едва отбились от лихих людей пистолетами. В другой, случилось иначе. Когда из леса внезапно выскочили разбойники, Хвостов, без всяких раздумий, бросился на них с обнаженной саблей.

– Бросить ружья! Иначе порублю всех в капусту! – лейтенант был страшен в ярости.

Семеро здоровенных злодеев разом бросили кремневые фузеи.

– Обознался, ваше высококорodie! – согнул спину предводитель. – Думал, что едут купцы толстосумые, а нарвался на господ офицеров! Будьте моими гостями! Делать нечего, пришлось, скрепив сердце, разбойничье приглашение принять. Едва спустились в разбойничью землянку, как со всех сторон набежало с два десятка заросших бородами лихоимцев. Видя, что их теперь много, осмелел и предводитель.

– А молоденек ты, брат с сабелькой на меня бросаться! – стал он задирать Хвостова. – Шумишь больно много, язык-то с головой укоротить недолго! Ну-ка оборотись ко мне ваше высококорodie! Глянуть твой страх желаю!

Страшный удар кулаком в переносье тотчас опрокинул атамана навзничь.

– Ну, кто следующий! Всем хребты поперishiбаю! – перешагнул Хвостов через недвижимого обидчика.

Ответом было всеобщее молчание. Разбойники с испугом переводили взгляд со своего мертвого предводителя на убившего его одним ударом офицера, и обратно Давыдов выхватил пистолеты, взвел курки:

– Ну, кто на нас? Кто нынче храбрый?

Храбрых в тот день среди разбойников так и не нашлось.

Когда друзья достигли Охотска, там их ждало уже компанейское судно "Святой Елисавет" с пьяной в стельку командой.

– Вылазьте на божий свет, сердешныя! – свесился в трюм Хвостов. – Да подымайте парус!

– Опохмелиться бы нам сперва, господин хороший! – полезли по трапу недовольные мореходцы. – Как же нам, горемычным, натошак-то плыть!

– Вот в окиян выйдем, там водичкой соленой и опохмелитесь! – заверил их лейтенант, саблей в руках поигрывая. – Отдавай конец швартовый!

– Куда хоть поплывем? – спросили мореходы, опасливо на саблю поглядывая.

– А напрямик до Америки!

– То-то и делов, так бы сразу и сказал! Что мы, Америк не видывали!

Воздев латаный парус "Святая Елисавета" брала курс в Охотское море, чтобы, миновав его, через Курильскую гряду, выбраться в океан и взять курс к оскаленным аляскинским берегам.

* * *

Рейд Ревельский эскадра Сенявина покидала сразу же за конвоем, везшим войска на Рюген. К вечеру первого дня он был уже едва виден. Обойдя маяк Оденгольмский, затем мыс Дагерорт. Мыс Дагеротский – самый западный конец всех владений Российских. Дальше уже открытое море.

Передовым шел "Ярослав" под флагом вице-адмирала, за ним в кильватер остальные. Вид эскадры под всем парусами, всегда впечатляет. Традиционно корабли, построенные в Петербурге, выглядят красивее и изящнее архангельских, но архангельские зато всегда славятся крепостью своих корпусов.

Ревель

Из дневниковой записи Владимира Броневского: "Взорам нашим представлялись токмо мрачные облака, гонимые северным ветром и снежная белизна волгов. В полночь, вступая в отправление должности, я восхищался стремительным бегом корабля, зарывающегося на волнах, под носом наподобие водопада шумящих. Свист ветра, изредка прерываемого голосом стоящего на страже лейтенанта, которого бдительности вверены и ход, и безопасность корабля. Матрозы были в совершенном бездействии: одни, сидя у снастей, разговаривали про свои походы, другие, находясь на верху мачт, попевали протяжные песни, иные смешными расска-

зами забавляли своих товарищей... Ветр дул постоянно, счастье нам не изменяло. 20 сентября прошли Готланд, ночью миновали Эланд, а 21-го были уже близь Борнхольма. Скоро увидели мы остров Медун. Белизна берегов его, меняясь с синим цветом моря, представляла глазам прекрасное смешение красок. Обойдя мыс Фластербо, могли бы мы через час быть в Копенгагене; но вдруг ветер переменился, сделался противный и мы принуждены были остановиться у деревни Драке в 30 верстах от столицы Дании".

Как обычно бывает, в первые дни, все корабельные дела постепенно входили в свою колею, устранялись неизбежные недоделки, отрабатывались расписания, организация службы. Скоро, очень скоро все станет на свои места, и корабельная жизнь потечет по строгому и четкому расписанию.

Сильный противный ветер продолжался без малого неделю. Будучи моряком многоопытным, Сенявин учения и авралы приказывал играть беспрестанно. Сенявин призывал своих капитанов к терпению в обучении команд.

– Пусть не сразу получается, зато наверняка! – говорил он наиболее нетерпеливым из них.

В свою очередь и капитанам, никаких скидок на молодость и неопытность не делал.

– Эко брели от Ревеля по морю, ровно стадо коровье! – ругался он, выходя по утрам на шканцы. – Так дело не пойдет, господа хорошие! Где вахтенный лейтенант? Готовьте сигнальные флаги, будем учиться маневру совместному!

Затем большинство рекрут свезли на "Уриил" и "Кильдюин", сделав их настоящими учебными судами, где особо усиленно натаскивали молодежь непрерывными занятиями и учениями.

Но вот впереди и датская столица.

Гавань Копенгагенская всегда заполнена судами со всех концов мира. Практичные датчане в полной мере сумели воспользоваться своим нейтралитетом, выгодно торгуя, пока другие народы разорялись в бесконечных войнах. В торговых сообществах здесь участвует лично и сам король. В Копенгагене налились водой. Офицерам разрешили съехать на берег и осмотреть королевский музей. Ходили российские лейтенанты да мичмана, смотрели на редкости всевозможные и удивлялись увиденному. Вот скелет человеческий из слоновой кости с мельчайшими артериями и жилами, вот чаша деревянная, а в чашу ту вложена еще сотня других, одна другой меньше. Прикоснешься к тем чашкам пальцем, а они гнуться, что бумага. А вот микроскоп, ежели в него заглянуть глазом, то видно игольное ушко, а в ушке том вмещена карета с шестью лошадьми, кучером и слугой на запятках. Но более всего понравилась машина, что представляла из себя сферу по системе Каперника, обращаемая с помощью колес и показывающая движения всех небесных планет.

– Нам бы в корпус Морской такую, мы б науку астрономическую куда как быстрее прознали! – обменивались впечатлением молодые мичмана.

Затем, конечно, в ресторации местной немного посидели. Датчане, попивая пиво и куря «цигары», с интересом поглядывали на наших. А проходя мимо, приподнимали свои длиннополые шляпы.

К вечеру ветер понемногу стал меняться, выпела развернулись в норд-вестовую четверть, а это значило, что эскадра вот-вот якоря выбирать начнет. В гавань погулявшее офицерство уже возвращалось шагом скорым. Там на шлюпки и по кораблям. Только разъехались, как с "Ярослава" пушка и флаги: "С якоря сниматься".

Вскоре Копенгаген с башнями и шпицами, прибрежными крепостями и множеством судов был уже за кормой.

Копенгаген

Как же выглядели обычные ходовые сутки на российском корабле начала девятнадцатого века? Как вообще относились моряки тех лет к своему нелегкому флотскому ремеслу?

Вот описание обычного ходового дня, оставленное нам офицером тех лет: "На кораблях каждому есть свое дело, и всему определенное время. В семь часов по свистку дудочки все встают; в половине восьмого офицерам подают чай; в девять барабаном свободных от должности приглашают к молитве; в десять подают водку и закуску; в половине двенадцатого обедают; в половине шестого в кают-компании в камине разводят огонь, и все садятся вокруг чайного стола, курят трубки, пьют одни чай, другие пунш и беседуют как в своем семействе; в половине восьмого ужинают и ложатся спать. Распределение смен или вахт разделено таким образом, что каждый офицер и матрос занят должностью от 10 до 14 часов в сутки. Вставать в полночь, ложиться в 4 часа утра, не иметь никогда покойного непрерывного сна, быть всегда готовым выйти на верх, во время бури несколько дней сряду не сходить в каюту, дремать только несколько минут, прислонясь к пушке: вот беспокойства и труды, вот наши биваки, которых неудобствам подвержены мы, не только противу неприятеля, но и во всякое время... Морская служба, скажут, очень трудна; но всегда в ней есть нечто нравящееся и сильно занимающее. Конечно ни в одной другой службе нет столько занятий для воображения и души, как в морской. Кто из моряков во время жестокой бури не заклинал себя никогда более не вдаваться в опасность и пришел в гавань подать в отставку. И кто из них при первом же благоприятном ветре не забывал клятв своих, скучал, стоя в пристани и с удовольствием не пускался опять в море. Окруженные бедствиями, даже претерпев кораблекрушение, хотя говорим мы о покое, но любим одни только бури".

Датские проливы эскадра проходила в тягостный период осенней непогоды, когда даже редкие от штормов дни море затянуто беспросветным туманом. Шли буквально на ощупь. То и дело обнаруживались встречные караваны судов.

– Наше счислимое место? – подозвал к себе штурмана капитан "Святого Петра" Баратынский.

– Траверз острова Веен! – отозвался тот чуть погодя.

– Вот, господа! – повернулся к стоящим поодаль вахтенному лейтенанту и мичману Баратынский. – Сей остров столь же значителен для стратегии морской, как и греческий Корфу, ибо лежит посреди проливов датских, а потому обладающий им обладает и проливами. Говорят, что царь Петр Алексеевич предлагал королю датскому за остров Веен столько серебряных рублей, сколько таковых можно было на острове выложить.

– И не купили? – искренне пожалел мичман Володя Броневский.

– Купили бы, да не продали! – хмыкнул в ответ капитан. – Теперь им шведы с датчанами напополам владеют и с каждого проходящего судна хорошую пошлину имеют!

Команду свистали к обеду. Сегодня любимые матросами щи и уважаемая всеми особо гречневая каша, варенная с маслом в пиве.

Скала Веен проплыла справа по борту в разводях туманов и мороси. Тоскливо трубили туманные горны. Чутко вслушивались в их хриплые звуки капитаны: громче звучит горн впереди, значит нагоняем передний мателот и надо убавить паруса, чтобы не навалиться на него. Усилился звук позади, значит, следует прибавить хода, ибо нагоняет следом идущий. С некоторого времени стали вызывать тревогу "Селафаил" с "Уриилом". Собранные в плавание наспех, без должного ремонта, оба стали давать течь.

– Продержитесь до Портсмута? – запрашивал их командующий.

– Продержимся! – отвечали капитаны, осеняя себя крестным знаменем. – Пока откачиваемся помпами, а там, что Господь даст!

5 октября эскадра, обойдя мыс Куллен и окруженный опасными мелями остров Ангольт, вступила в Северное море.

На Догер-банке полной рыбаков, «Святой Петр» оказался ближе иных к рыбацкой флотилии. К «Петру» немедленно подошла рыбацья лодка. На борт поднялся старшина лова, именуемый среди рыбаков адмиралом – седой старик в синей куртке и зюйд-вестке. Поздоровавшись с Баратынским, велел он ему поднять корзины с рыбой в дар от рыбацкого сообщества.

– В подарок дорогому гостю Немецкого моря! – сказал по-немецки.

Наши в ответ налили ведро рому и насыпали несколько фунтов табаку, вернее махры-горлодера, от которой у непривычных всегда захватывает дух.

На следующий день, словно вняв мольбам мореходов, ветер отошел к востоку и, наполнив им все возможные паруса, корабли пошлы по двадцать две версты в час. Вот справа отступили вдаль очертания последнего норвежского мыса Дернеуса.

Сменившись с вахты, Володя Броневский, долго дул в озябшие руки, а затем достал из рундука заветную тетрадку в толстом, свиной кожи переплете и, стараясь не разлить на качке чернильницу, принялся писать письмо другу в Кронштадт:

"... К ночи эскадра вступила в Немецкое море. Бурная, мрачная ночь представляла великолепное зрелище: корабль, рассекая и вместе с тем, нисходя и восходя на валы, производил бегом своим струю и пену, обращенную в пыль. След, а паче близь руля, слался по хребтам волн рекою лавы, огненным змеем, который, извиваясь, казалось, гнал за кораблем. Вода издавала блеск, подобный золоту, корабль, по-видимому, плыл в растопленном металле. Под носом, где наиболее сопротивления, раздробленные грудью корабля валы, подобно тифонному столбу, вздымаясь высоко, огненным дождем падают на палубу. Картина ужасная и вместе с тем прекрасная! Морская вода, содержащая в себе множество селитренных, фосфорических и других частиц, от трения о борт корабля, как будто возгорается и в темную ночь при скором ходе производить сие явление. На другой день, когда мы были посреди моря, то сожалели и о скучных кремнистых берегах Норвегии... и 6-го октября ветер стоял в прежней силе, море подобно было седому холмистому полю, корабли в ходе не уступали один другому, и мы не имели приятности дожидаться заднего. Ночи были самые осенние, сумрачные, холодные с дождем. Облака мчались быстро, луна изредка показывалась... Корабль валяло с бока на бок подобно легкой лодке. Когда ветер дует с кормы, корабль имеет боковую качку самую беспо-

койную и вредную для его корпуса. По сему-то и самый благоприятный, хорош бывает только в некоторой степени."

Проходя Догер-банку, вдалеке была замечена штормовавшая с зарифленными парусами английская эскадра. А утром 8-го октября караульный матрос с фок-мачты закричал: "Вижу берег!" Все, у кого были зрительные трубы, немедленно раздвинули тубусы.

– Это, несомненно, Англия! – делились они друг с другом впечатлениями.

– Лейтенант! – велел Баратынский вахтенному начальнику. – Возьмите-ка зеркальце да поищите норд-форландские маяки!

Лейтенант, вооружившись зеркалом, стал наводить его на берег, пока, наконец, в зеркале не вспыхнул слабый огонек.

– А вон и берега французские! – раздался чей-то голос.

В отличие от беловатых берегов Альбинона, французский берег был покрыт зеленью. На траверзе Дувра разошлись с еще одной английской эскадрой, лежащей в дрейфе.

– Кажется, англичане всей страной в моря выплыли! Наступил им, видать, Бонапартый на мозоль крепко!

В Англию было необходимо завернуть по многим причинам: починить прохудившиеся за время перехода корабли, снабдиться провизией, приделать новомодные курки к пушкам, принять два недавно купленных у англичан брига, согласовать опознавательные сигналы.

* * *

Вскоре корабли Сенявина благополучно бросили становые якоря на знаменитом Спитхедском рейде Портсмута. Огляделись. Спитхедский рейд огромен и, являясь главным сборным пунктом военного и купеческого флота Англии, может вместить до пяти тысяч кораблей. Здесь постоянно стояла одна-две вооруженные эскадры. Сюда приходят и отсюда уходят ост-индийские и вест-индийские караваны. Спитхедский рейд, что гигантский город на воде, живущей своей только ему понятной жизнью, в котором все постоянно меняется и куда-то движется. Спитхедский рейд открыт южным ветрам, зато от северных хорошо прикрыт островом Вэйта. Особенность Спитхеда – шестичасовые приливы и отливы, которые, несмотря на самый неблагоприятный ветер, всегда помогают судам заходить на рейд и уходить с него.

Едва дудки наших кораблей просвистели: "от шпилей долой", как от флагманского английского 100-пушечного линкора, что стоял под полным адмиральским флагом, отвалила шлюпка. На ней на "Ярослав" прибыл адъютант портсмутского командира адмирала Монтегю.

– Я передаю вам поздравления его светлости по поводу прибытия, а, кроме того, должен оговорить положения об приветственной салютации!

Корабельная салютация – дело не шуточное. Англичане относятся к ней весьма ревностно и всегда требуют себе преимущества. По английским правилам все нации при встрече с ними даже в нейтральных водах должны салютовать первыми и большим числом залпов, а кроме того приспускать свои флаги. Ослушников наказывали ядрами. Что же касается своих территориальных вод, то там англичане были непримиримы вообще. Когда-то из-за того, что голландцы отказались салютовать англичанам, началась даже война. Из всех государств первыми отказывались салютовать англичанам только русские моряки. То было завещано им еще Петром Великим!

Английские моряки на рейде Портсмута

Ныне спеси у англичан заметно поубавилось. Гордость гордостью, а русских теперь не обидишь. Не самим же один на один с Наполеоном в драку лезть! К тому ж всем хорошо было известно, что вице-адмирал Сенявин к чести своего флага относится не менее ревностно, чем англичане. Переговоры были, впрочем, не долгими. Договорились, что первыми пятнадцатью залпами салютуют наши, а англичане отвечают незамедлительно столькими же. Коль мы находимся в британских водах, то Сенявин на таковой ритуал согласился, не усмотрев в нем урона чести для флага Андреевского перед Юнион Джеком. Ударили наши пушки, а едва прогремел последний выстрел, заговорили пушки английские. На шканцах российских кораблей считали:

– Один... Пять... Десять... Пятнадцать! Все, честь флага соблюдена и ритуал исполнен!

После этого Сенявин съездил в Портсмут с визитами к адмиралу Монтегю и прочим главным чиновникам и того же дня «получил от них обратное посещение». С адмиралом Монтегю мы еще встретимся не раз. Пока же отметим, что был адмирал в преклонных годах и весьма грузен, состоял в близком родстве с домом Спесеров и в свояках с первым лордом адмиралтейства, а потому пребывал в большой силе и почтении у правительства. С мнением Монтегю считались, к нему прислушивались.

Спустя день поутру все английские корабли подняли на фор-брам стенах национальные флаги, а на брам-стенгах гюйсы и палили пятнадцатью пушками. Так королевский флот праздновал день восшествия на престол Георга Третьего. Наши из вежливости палили тоже.

Эдвард Монтегю, 1-й граф Сэндвич

Ветер к вечеру поменялся, и с берега сразу же пахнуло смрадом горевших каменных угольев.

В тот же день вице-адмирала Сенявина официально уведомили, о том, что Россия вступила в войну с Наполеоном. Из Лондона привезли соответствующую бумагу послом нашим подписанную. О начале войны наши знали еще с Кронштадта, но теперь об этом с радостью уведомили нас и англичане.

– Теперь мы с вами союзники! Будем вместе драться! – радостно говорили английские офицеры, приезжавшие в гости на наши корабли.

Наши по этому поводу больше отмалчивались. Война с французами была давным-давно всеми ожидаема, однако враг силен и только время покажет, кто чего стоит! Гостей, однако, принимали щедро. Хлебосольство на российских кораблях всегда в чести! Вначале пили их ром, потом нашу водку. Расставались иногда уже поутру и нередко гостей укладывали в шлюпки, словно мешки худые.

Англичане пребывали в большом возбуждении.

– Наш флот вышел навстречу французам. Скоро будет генеральный бой, который решит судьбу войны! Мы покажем этим гнусным лягушатникам – хвастались они нашим офицерам.

– Кто повел флот? – поинтересовался Сенявин, когда ему доложили о разговорах.

– Лорд Нельсон!

– Тогда слухам о генеральном бое можно верить вполне! – кивнул Сенявин, которому передали эту новость. – Нельсон французов из своих рук не выпустит! Мы с ним еще в прошлой средиземноморской кампании знали! Этот, что пес цепной, в холку цепляется! Однако, что касается судьбы войны, то здесь думаю до полной победы еще далеко. Сила Наполеона не во флоте, а в армии, и эта армия пока непобедима!

Вскоре о вероятности генерального сражения рассказал и адмирал Монтегю. Новость о возможной большой битве англичан с французами было кстати.

– Если известие таковое правдиво, наша задача значительно облегчается! Ибо будет флоту яacobинскому нынче не до нас! – высказал здравую мысль вицеадмиралу командир "Ярослава" капитан 1 ранга Митьков.

– Наберемся терпения, и подождем официальных известий! Пока же до выяснения обстановки нам лучше постоять на Спитхете! – подумав, решил Сенявин. – Наша цель не драка с французами в Атлантике, а удержание острова Корфу в море Средиземном!

Затем наши моряки отмечали день рождения вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Теперь уж наша эскадра украсилась национальными флагами и палила полутора десятками залпов. Чтобы сделать нам приятное, адмирал Монтегю палил сразу из двадцати одной пушки!

– Чего это англичане нынче такие предупредительные? – спросил стоящий вахту на "Урилле" мичман Мельников своего вахтенного начальника лейтенанта фон Платера.

– А с того, мой друг Григорий, что уж больно радостно им, что мы вперед их в драку с Наполеоном лезем! От того и вся их предупредительность будет! Помяни мое слово, когда надобность в нас минует, они и головы в нашу сторону не повернут!

К стоящим российским кораблям ежедневно уже с раннего утра спешили от берега шлюпки. Это местный портовый люд бросился за поживой. Толстые торговки, как заправские шкипера, лихо швартовались к бортам и наперебой предлагали зелень, сливки и яблоки. Трактирщики зазывали в свои заведения, лавочники вручали билеты, с перечнем товаров и цен. Театральные содержатели напомаженные, а потому неестественно бледные, будто выходцы из мира иного, приглашали удостоить посещением их сцену. Потом подошли баржи снабженческие от командира порта. Первая с мясом и овощами, вторая с водой. Внимание и забота хозяев были исключительными!

Ближе к вечеру от берега отвалил пузатый бот с сотней расфранченных девиц легкого поведения. Эти ехали на эскадру с весьма конкретными намерениями. Но девицам не повезло. В отличие от англичан, на российском флоте с их промыслом все обстояло куда как строго. По петровскому уставу посещать корабли разрешалось только женам, да и то, только до побития зари в своих портах. А потому перегруженному боту пришлось повернуть восвояси к большому неудовольствию девиц, как, впрочем, и столпившихся на палубах матросов.

Быстро приняли от англичан и купленные вспомогательные бригаи. Первый из них с восемнадцатью 12-футовыми пушками Сенявин решил именовать "Фениксом", помятуя о сказочной птице, которая, будучи даже сожженной, всякий раз возрождалась из собственного пепла. Начальствовать над "Фениксом" был определен капитан-лейтенант Сольменев, специально для этой цели взятый из Кронштадта. Второй из бригов, вооруженный дюжиной каронад принял под команду капитан-лейтенант Ераков. Этот бриг наименовали "Аргусом". Одновременно, используя расположение англичан, Сенявин закупал на их складах все, что только могло пригодиться на кораблях: громоотводы и новоизобретенные машины для очищения воздуха в трюме, атласы Средиземного моря и портолины, краску и олифу, скипидар и спирт, инструменты слесарные зрительные трубы, лекарства. Помимо этого, наняли на службу английских лекарей и подлекарей. Зарплату им положили преогромную: первым по тысячи шестьсот рублей в год, а вторым по восемьсот.

– Дороговато эти коновалы иноземные нам обойдутся! – отговаривали вицеадмирала.

– Жизнь подчиненный мне дороже! – отвечал тот.

И снова праздник. На сей раз хозяева отмечали двухсотлетнюю годовщину открытия некоего заговора бунтовщиков, замышлявших взрыв парламента.

– Ну и дела! – пожимали плечами наши. – Уж два века прошло, а они все радуются! Видать шибко их тогда припугнули!

Из хроники пребывания нашей эскадры в Портсмуте: "Англичане всячески старались ласкать русских, и, узнавая более Сенявина – увеличивали уважение ко всем: так нередко

почтение и пренебрежение нации зависит от личных достоинств того, кто избран представлять ее! Не только адмиралу, но и всем офицерам позволялось осматривать адмиралтейство и доки и даже разъяснялось каждому любопытствующему достоинство и предмет удивительных машин: сие могло служить убедительным доказательством дружеского расположения английского правительства к русскому; ибо внутренность адмиралтейства почитается у них неким священным местом, в которое и самые англичане не впускаются без особенного позволения. Комиссионер контр-адмирал Кофен, известный открытием прохода через Бельт победоносному флоту адмирала Нельсона, сопровождал сам повсюду Сенявина... Сенявин угощал в Портсмуте великолепным образом английских чиновников, как морских, так сухопутных и гражданских: к обеду приглашены были также и все русские капитаны. Веселье было искреннее, не купленное рюмками и бокалами, как-то часто водится на больших пирах!"

Англичанам было от чего радоваться: прибытие союзной российской эскадры в Средиземное море снимало огромную головную боль. Ведь русские готовились взять на себя всю черновую работу в Адриатике, оставляя британцам возможность сосредоточиться на делах, для них более первостепенных.

* * *

Чтобы стоянка была не в тягость командам, командующий решил отпускать на берег всех щедро, как офицеров, так и матросов. Володя Броневский, едва дождался своей очереди, чтоб поглядеть землю английскую.

Едва через три дня дошла очередь, он, не смотря на дождь и пасмурность, первой же шлюпкой съехал на берег с тремя такими же любопытствующими сотоварищами. Меж собой решили для начала прогуляться по городу, а затем отобедать в каком-нибудь приличном трактире. Едва ступили на причальную стенку, первая неожиданность. В дымину пьяный рыжий матрос тут же прицепился к офицерам с просьбой разрешить ему побиться с одним из наших гребцов в "боксы". Наши были тоже не против драки, но офицеры им того не позволили, чем расстроили и гребцов, и рыжего англичанина.

– Ладно, пока мы при службе! – сообщили англичанину здоровяки загребные, когда офицеры удалились. – А вот завтра у нас вольная на весь день, тогда и приходи сюды поутру, посмотрим у кого кулачки крепче!

– Йес! йес! – обрадовано замахал руками "боксер" и, петляя ногами, поплелся куда-то вглубь порта.

– Кажись, не понял по-нашему! – расстроился кто-то из матросов.

– Еще как понял! – заверили его остальные. – Ишь, как обрадовался, даже есть сразу побежал, чтоб силу к завтраму накопить!

– Ежели так, значит, не зря на берег съездим: и погуляем и подеремся! – обрадовался один из загребных. – Вот это я понимаю – жизнь!

Из воспоминаний участника плавания: "Матросы наши удивительным образом уживаются с англичанами. Они, кажется, созданы друг для друга. Встречаясь в первый раз в жизни, жмут друг другу руки и, если у кого есть копейка в кармане, тотчас идут в трактир, усердно пьют, дерутся на кулачках и, выпив еще, расстаются искренними друзьями. Ничего нет забавнее, как слышать их разговаривающих на одном им понятном языке. Часто, не останавливаясь, говорят они оба вдруг, один по-английски, другой по-русски, и таким образом весьма охотно, по несколько часов кряду, беседуют о важных предметах..." Пока гребцы мечтали о завтрашней гулянке, Броневский с друзьями уже фланировал по Портсмуту. Шитые офицерские мундиры явно привлекали внимание и народ, буквально, толпами сбегался посмотреть на русских. Молоденькие англичанки в капотах и соломенных шляпках с корзинками в руках жеманничали

и строили глазки. Наши подмигивали, мол, мы ребята не промах! Однако знакомству мешали вездесущие мальчишки. Эти прыгали вокруг и орали во все горло:

– Рашен добра! Рашен добра!

– Таковое внимание к скромным нашим особам конечно приятно, однако создает определенные неудобства! – наклонился к уху мичмана Ртищева Владимир.

Тот согласно кивнул:

– Авось привыкнут!

На улицах Портсмута идеальная чистота. Нижние этажи домов заняты бесчисленными лавками. Купить здесь, кажется, можно весь мир. Английское сукно и китайский шелк, индийские камни и малайские пряности. Кто покупает много, тому и цены ниже, и доставка на корабль. Хочешь новый фрак, его тут же сошьют тебе за каких-то два часа!

Наконец дошли до трактира с надписью: "Г. Русский офицер у нас все хорошо!"

– А вот и обед! – обрадовался Броневский и, топоча сапогами, офицеры взошли на крыльцо.

На входе уличные мальчишки отстали, зато набежали лавочные. Один сразу же кинулся чистить сапоги, второй обметать мундиры. После чего потребовали за свои услуги по шиллингу.

– Этак, мы скоро без денег останемся! – посетовали наши, но заплатили.

На входе гостей встретил трактирный слуга, опрысканный духами и в шелковых чулках. Провел в комнату. Там на столах лежали газетные листы. Сидевшие в креслах посетители, не снимая шляп, углубленно их читали. Появление русских было встречено безмолвием. Священнодействие чтения у англичан не может быть прервано ничем. До обеда было еще далеко, а потому, полистав газеты и позевав, наши приуныли, когда внезапно услышали шум и смех в соседней комнате.

– Господа! – кажется, не все здесь читают листки! – обрадовался Броневский, откидывая в сторону надоевшие газеты.

Прислушались к шуму за стеной. Ртищеву показалось, что он слышит знакомые голоса. Это сразу же меняло дело. Немедленно прошли в соседнюю комнату. А там, конечно же, свои гуляют, да еще как! Офицеров толпа, почитай со всей эскадры. Дым стоит коромыслом, вино льется рекой. Прибытие мичманов с "Петра" встретили на "ура".

– Давайте господа, по единой с нами! – подняли доверху стаканы наполненные. – А там и поговорим!

Закусывали сырами, а в шесть часов хозяин велел подавать обед. При каждой смене блюд он обязательно заглядывал в комнату и спрашивал, хорошо ли?

– Хорошо, братец! – говорили ему. – А будет еще лучше! Тащи все, что есть!

Гулянье успокоилось за полночь, а потому все и заночевали в трактирных спальнях. Отоспались почти до полудня. На ленч подали чай с молоком, бисквиты и новые газеты. Чай выпили, бисквиты съели, а газеты отложили в сторонку. Затем зашел хозяин трактира и объявил, что господ русских сегодня вечером приглашают в дамский клуб.

– Но мы без фраков! – заволновались все разом.

– Не беда! – пожал плечами хозяин. – Мой слуга объедет ваши корабли и заберет все, что вам нужно.

Услуга эта обошлась в несколько гиней, но зато к вечеру все были готовы к встрече с английскими дамами. К клубу подъезжали в каретах при звуках оркестра. Англичанки в белых коленкорových платьях сидели на стульях. Кавалеры стояли в отдалении. Ртищев быстро оценил ситуацию:

– Девиц куда больше, чем провожатых, будет, где разгуляться!

Русских офицеров тут же рассадили между девицами. Знакомясь, говорили по-английски, а кто не знал, по-французски. Девицы тоже, явно готовились к встрече и ознакомились с

азами русского языка. Неизвестно кто их обучал, но с прелестных губ то и дело слетали столь крепкие боцманские ругательства, что наши офицеры были в полном восторге. Затем заиграли менуэт, после которого начались всяческие мудреные кадрили. Вскоре уже каждый из офицеров имел собственную даму. К Броневскому подседа очаровательная блондинка.

– Меня зовут Бетси! – дерзко взяла она его под руку.

– Владимир Броневский из дворян псковской губернии! – представился, слегка ошарашенный этакой смелостью, мичман.

– Мы отныне сами выбираем себе кавалеров, потому, что мы эмансипе! – просветила молоденькая спутница запыхавшегося Броневского после очередного замысловатого па.

– Это что еще такое? – искренне удивился тот.

– Эмансипе – это когда мы командуем мужчинами и делаем, что только захотим!

– гордо вскинула кукольную головку Бетси.

– Не приведи, Господи! – с ужасом подумал мичман, но виду не подал, а, покрепче обняв свою партнершу, сделал удивленное лицо. – Как все это интересно и главное ново!

– О, вы, я вижу настоящий джентльмен и друг эмансипе! – улыбаясь, прошептала Бетси ему в ухо. – Вы мне уже определенно нравитесь, а потому можете вполне рассчитывать на взаимность!

Затем объявили новый танец экосез, после чего были накрыты столы. Дамы сами наливали своим кавалерам вина. Потом опять до изнеможения плясали экосез. Ближе к утру офицеров начали развозить по домам. Броневского довольно бесцеремонно забрала к себе его милая партнерша.

Когда ж в полдень следующего дня мичман покинул гостеприимный дом, очаровательная хозяйка которого из окошка послала ему прощальный поцелуй, Броневский был настроен уже куда более снисходительно:

– А все же не такая уж плохая штука эта их эмансипе!

* * *

У матросов в Англии шла своя гулянка. После обеда командиры приказывает спустить очередную вахту на берег «освежиться». Боцмана свистели в дудки:

– Первой вахте изготвиться на берег! Чище одеться!

Матросы первой вахты, бросив все дела весело и с шутками, кинулись к рундукам, чтоб переодеться. Переодеваются прямо на палубе. Тут и там раскиданы вещи, матросская хурда. Матросы второй вахты угрюмо посматривают на счастливцев, которые первыми вкусят удовольствия предстоящей гульбы.

Сходящий на берег матрос держит на ладони четыре монеты и мучительно рассуждает:

– Один франковик пропью, второй франковик кое-куда, на третий разве отдать басурманкам белье помыть? А нашта! Белье я и сам помою. На этот франковик не купить ли табак али игрушку жене? Нет, баловать бабу не стану, а табак казенный дают, лучше уж и энто пропью!

Некоторые матросы сходят на берег с узелками белья, чтобы дать его постирать, иные с раскрашенными балалайками, чтобы гулять, так гулять. Но большинство налегке, чтобы по пьянке ничего не растерять. Кто-то сразу заворачивает в кабак, кто-то в портовый бордель, девок местных за пышности пощупать, а кто-то и просто так пошататься по городу, посмотреть на заморские диковинки, да прикупить подарков.

– Архипыч ты куда? – спрашивает один матрос другого.

– По городу гулять!

– Зайди в лавку, купи мне галстук, али платок цветастый!

– Давай деньги, куплю!

– Не могу Архипыч! Я ж в кабак следую, значит напьюсь. А мне для сего дела деньги во как нужны. Сделай одолжение, купи платок, а я деньги потом отдам.

...В кабаке гуляют попережку наши и английские матросы. Англичанин что-то лопочет нашему.

– Ты, басурманская твоя харя, говори по-русски, а не лай, что собака! – грозит наш англичанину пальцем. – Что не можешь, али притворяешься?

Англичанин кивает головой и бьет себя пальцем по кадыку. Наш матрос разъясняет ситуацию остальным:

– А ведь понимает меня каналья, бесов сын, Да и я уже начинаю по ихнему марковать. Что говорит? Да выпить предлагает. Ладно, уж согласный я, наливай!

Единственно, что не любили англичане на совместных выпивках, так это когда, напившись, наши лезли целоваться троекратно. За протесты эти свои глупые, англичане частенько от наших по морде и получали. Бились серьезно. Англичане наших «боксами» своими отхаживали, наши же лупили соперников в мах да по лбу. Потом, если силы еще оставались, братались снова.

Вот на причале в ожидании шлюпки стоит, покачиваясь, матрос в синяках и с распухшим носом. Сразу видно, что успел и побрататься, и подраться. Его окружают сослуживцы, спрашивают участливо:

– Митрич, кто тебя так расписал?

– Басурмане одолели. Был бы один. А те сразу втроем навалились вражьих сыновья!

– Свистнул бы нам, мы враз стенкой ломанули!

– Щас поздно, а в следушу очередь ломанем!

– А ты обидчиков то помнишь?

– А на что их помнить-то? – искренне удивляется отлупленный Митрич. – Всех метелить и станем!

– И то дело! – соглашаются дружки. – Ох, и погуляем же на славу, будет, где душе разойтись!

* * *

Едва Кронштадт покинула эскадра Сенявина, как на внешний рейд начали вытягиваться главные силы Балтийского флота под началом адмирала Красного флага и командира первой дивизии Тета. Всего собрано было 11 линейных кораблей, 10 фрегатов и почти полторы сотни транспортов. Предстояла переброска корпуса графа Толстого в шведскую Померанию, где объединясь с англичанами и шведами, Толстой должен был нанести удар в спину французской армии.

Несмотря на всю внешнюю дружественность к России Пруссии, адмиралу Тету была дана секретная инструкция, гласившая, что, если бы "обнаружились доселе скрываемые замыслы Пруссии начатием неприязненных противу нас действий" на эскадру возлагалась блокада всего побережья от Штетина до Мемеля, занятие на зиму Данцига и всяческое стеснение прусской морской торговли. Окончательный расклад политических сил на предстоящую кампанию был еще совершенно не ясен.

К середине сентября одновременно в Кронштадте, Ревеле и Риге началась погрузка солдат и казаков, артиллерии и имущества. Провожать Тета приехал морской министр. У Чичагова с Тетом дружба старая. Еще совсем недавно (и года не прошло!) состоял контр-адмирал Красного флага Чичагов в дивизии адмирала, а теперь, вознесенный на вершину служебной лестницы, сам стал его начальником.

– Задумка с десантом хорошо, но боюсь, что подведут шведы с англичанами! – честно признался министр командующему. – Как бы, не пришлось весь корпус обратно везти!

– Не будем загадывать! – покачал головой Тет. – Надо еще до Померании без потерь доплыть!

Егор Егорович Тет

Как в воду глядел опытный мореход! Переход к Померании по причине осенних штормов выдался на самом деле невероятно тяжелым. На подходе к острову Рюген флот и транспортный караван попали в настоящую бурю. Суда швыряло, как щепки и каждый теперь был предоставлен сам себе. Транспорта тонули десятками, а люди гибли тысячами. Особенно много погибло в тот страшный день казаков, которых расписали по самым маленьким суденышкам. Смертный час свой сыны Дона встречали с истинно русским хладнокровием. Причащались, прощали сотоварищам былые обиды, а затем, расцеловавшись напоследок друг с другом, и, осенив себя крестным знаменем, один за другим уходили под воду, так и не выпустив из рук своих сабель...

За какие-то два-три часа ожесточенного шторма было потеряно три десятка транспортов и катер "Диспач". Погибло в волнах и разбилось о прибрежные камни более четырех тысяч человек...

Несмотря на случившуюся трагедию, Тет все же нашел силы, подошел к Штральзунду и высадил на берег измочаленный десант. После высадки он, согласно высочайшей инструкции, сразу же повернул в обратный путь, где корабли опять сильно потерпели от непогоды.

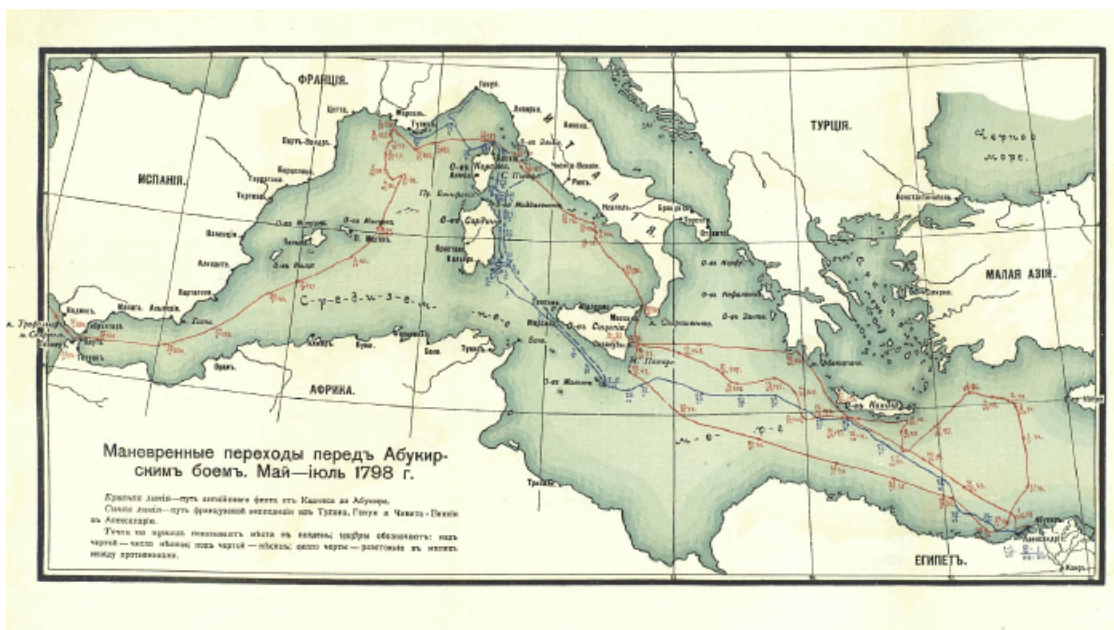
Увы, огромные жертвы, принесенные на алтарь общего дела, оказались совершенно напрасными. Последовавшее вскоре столкновение при Аустерлице, свело на нет все усилия русских моряков. Узнав о результатах сражения, англичане и шведы не рискнули открыто выступить против французов и наши, как всегда, остались в полном одиночестве. Расположившись на правом берегу реки Везер, Толстой напрасно ждал указаний из Петербурга. О нем словно забыли. А затем пришло указание... прусского короля: немедленно сворачивать свой лагерь и убираться ко всем чертям в Россию!

Так никчемно и безрезультатно закончилась операция, грозившая обернуться новой сла-
вой русского оружия.

Возвращаясь мимо Рюгена, на кораблях отслужили панихиду по погибшим сотоварищам. Все также было мрачно небо и яростно свистал ветер в натянутом рангоуте, все также остерве-
нело бились волны о каменные скалы острова. Люди, помните этот страшный Рюген! Помните
о тех, кто канул навсегда в здешних глубинах!

Глава пятая Залпы Трафальгара

Пока наша эскадра, отстаиваясь в Портсмуте, готовилась к переходу в средиземноморские воды, совсем рядом у испанского мыса Трафальгар развернулись события, во многом изменившие весь характер последующей борьбы за обладание морем.

Морские переходы перед Трафальгарским сражением

Началось с того, что французы, договорившись о присоединении к себе немало испанского флота, решили, что отныне вполне готовы померяться силами с Англией. Наполеон требовал от своих адмиралов обеспечить ему безопасность проливных вод всего лишь на одни сутки (ровно столько времени надо было ему, чтобы перебросить армию на берег Туманного Альбиона и одним ударом поставить гордых англичан на колени) и адмиралы ему эти сутки обещали. Английский флот все еще мотало на якорях на внешнем рейде Портсмута. Корабли спешно заканчивали приемку последних припасов. Флаг вицеадмирала Нельсона развевался над старой, но еще крепкой 100-пушечной "Виктори". 15 сентября 1805 года Нельсон покинул Портсмут. Курс его эскадры был проложен к Кадису, где, по имеемым сведениям, отстаивался французский флот. Там же крейсировали и эскадры вице-адмиралов Катберта Коллингвуда и Роберта Кальдера, которые Нельсону надлежало взять под свое начало.

Катберт Коллингвуд, 1-й барон Коллингвуд

В эти дни Наполеон раздраженно писал своему морскому главнокомандующему: «Наш план состоит в том, что, встретив врага, располагающего меньшими силами, вы должны не колеблясь атаковать его и одержать победу». Но Вильнев все медлил с активными действиями, и император принял решение об его смещении. Только это известие подвигло адмирала к решительным мерам. Только после этого Вильнев решился, наконец, покинуть Кадис и, соединившись с испанцами у Картахены, укрыться в Тулоне, где уже окончательно подготовить объединенную франко-испанскую армаду к решающей битве за обладание морем. Теперь все решали часы, кто кого опередит: Нельсон ли Вильнева, или Вильнев Нельсона?

На подходе к Кадису Нельсон выслал вперед легкий фрегат со строжайшим приказом отменить причитающийся ему по должности 13-кратный салют. Выдавать французам свое появление при флоте, он не был намерен. Одновременно Коллингвуду и Кальдеру было велено отвести свои корабли подальше от Кадиса. Этим Нельсон рассчитывал создать у Вильнева иллюзию слабости английской блокады порта и легкости ее прорыва.

29 сентября английский командующий отметил свое 47-летие. На праздничный обед по этому случаю, Нельсон пригласил своих младших флагманов и пятнадцать капитанов. Начало праздника ознаменовалось весьма знаменательным действием. Когда Нельсон уже расположился за столом, из дверей к нему вышла процессия, возглавляемая командиром "Виктори". На металлическом поддоне, что нес капитан Харди, красовалась огромная жаренная крыса. В зубах она держала перекусанный французский флажок. То была дань старому времени, когда нынешний вице-адмирал был всего лишь юным мичманом, и постоянно недоедая, ночами жарил на противнях, пойманных в трюме крыс. Как говорят историки, герой Англии был в неопишемом восторге от преподнесенного ему подарка. Свежеиспеченная тушка была тут же им со знанием дела препарирована, по-товарищески разделена между всеми присутствующими и уничтожена в течение нескольких минут.

После традиционных тостов, Нельсон изложил собравшимся план предстоящей битвы.

– Если вы не увидите сигналов или не поймете их, ставьте свой корабль рядом с вражеским – в этом не будет ошибки! – объявил он.

Роберт Кальдер, 1-й баронет

Уже вечером о своем плане Нельсон записал в своем дневнике так: "Когда я начал объяснять то, что назвал методом Нельсона, он поразил их, как электрошок. Кто-то прослезился; одобрили все. План был нов, оригинален и прост. Все – от адмирала до низших чинов – повторяли, что мы победим, если только нам удастся схватиться с французами".

После объединения с Коллингвудом и Кальдером силы Нельсона насчитывали двадцать семь боевых вымпелов. Франко-испанский флот, по расчетам, составлял тридцать три корабля. Находясь в шестидесяти милях от Кадиса, Нельсон терпеливо выжидал, когда Вильнев попадется на его нехитрую уловку. И он дождался своего часа!

19 октября дозорные фрегаты доложили ему, что, судя по всему, французы готовятся к выходу из порта: в гавани заметно большое оживление, то и дело высылаются в море на разведку легкие суда. Получив эти сведения, английский командующий отдал приказ готовиться к решающей схватке. Предполагая, что целью выхода Вильнева будет прорыв в Средиземное море, Нельсон сманеврировал так, чтобы преградить неприятелю путь к Тулону. Ночью при свете мерцающей свечи, он написал свое последнее письмо к самой любимой женщине Эмме Гамильтон и их общей дочери четырехлетней Горации: "Моя дорогая, любимая Эмма, мой самый близкий друг! Получены сигналы, что вражеский флот выходит из порта. Ветер у нас очень слаб, поэтому я не надеюсь увидеть флот до завтрашнего утра. Пусть бог войны увенчает мои старания успехом; что бы ни случилось, я сделаю все возможное, чтобы мое имя навсегда стало самым дорогим для тебя и Горации. Вас обеих я люблю, как саму жизнь. Это мое последнее перед битвой письмо, пишу вам и надеюсь, что волей Божий я останусь жив, и смогу дописать его после боя. Благослови вас Небо, я молюсь за вас, Нельсон и Бронте".

Прижизненный портрет адмирала Нельсона

Утром следующего дня адмирал Пьер Вильнев вывел свой флот из Кадиса и взял курс на Гибралтар. До поры до времени Нельсон старался держаться от него на почтительно расстоянии. Англичанам было крайне важно заставить французов отойти как можно дальше от Кадиса, чтобы не дать уже вернуться без боя. Однако Вильнев все же, в конце концов, понял намерения своего противника. Немедленно последовал сигнал развернуться на обратный курс. Теперь обманутый Вильнев опять устремил форштевни своих кораблей к Кадису, но теперь на его пути стоял Нельсон. Генеральное столкновение двух враждебных флотов было неизбежным, и оно состоялось.

Ранним утром 21 октября, когда Нельсон начал выстаивать свой флот, маневрируя к весту от врага на траверзе испанского мыса Трафальгар, его впередсмотрящие донесли о том, что видят на горизонте множество парусов. То был флот Вильнева, растянувшийся строем полу-месяца. Нельсон посмотрел на часы. Было ровно пять тридцать.

– Это самый счастливый день моей жизни! – сказал Нельсон. – Это день справедливости!

На вице-адмирале был парадный мундир, украшенный четырьмя орденскими звездами. Это делало английского командующего прекрасной мишенью. Капитан "Виктори" Харди пытался, было, уговорить Нельсона сменить мундир, но тот отказался наотрез.

– Я честно заслужил эти награды! – ответил он. – И честно с ними умру!

Тот же Харди и старый знакомец командующего капитан Блэквуд предложили Нельсону для безопасности перейти на фрегат и руководить сражением со стороны, но он с гневом отверг и это.

Французы тоже заметили противника, но произошло это спустя полчаса. За это время англичане смогли уже почти закончить свое перестроение для боя, разделившись на две боевые колонны. Первую из четырнадцати вымпелов вел лично Нельсон на "Виктори". Вторую из тринадцати вымпелов его младший флагман Коллингвуд на "Роял Соверин". Колонны спускались на противника почти под прямым углом. Маневр этот был более чем рискован. Дело в том, что при сближении английские корабли оказывались почти безоружными перед всею

артиллерийской мощью союзного флота. Расчет Нельсона был только на слабую артиллерийскую подготовку своего противника и этот расчет полностью оправдался.

Враждующие флоты медленно сближались. За это время оба командующих успели провести совещание со своими капитанами, а Нельсон еще и составить завещание, в котором призывал короля позаботиться об Эмме и Горации.

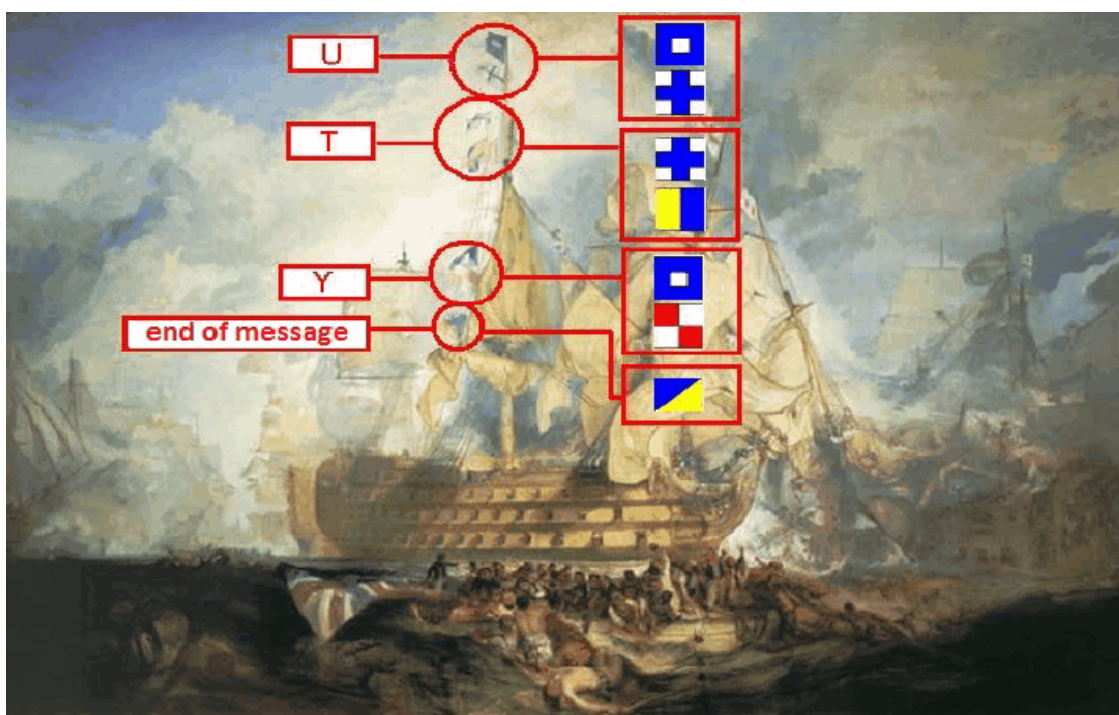
Было около одиннадцати утра, когда Нельсон в последний раз спустился к себе в каюту. Там он сделал последнюю запись в своем дневнике: "Да дарует великий Бог, пред которым я преклоняюсь, великую, славную победу моей стране и на благо всей Европы; пусть не опорочит ее чей-то проступок и пусть после победы гуманность станет главной чертой британского флота. Что касается меня лично, я вручаю жизнь свою Создателю и молю его о благословении меня на преданное служение родине. Ему я вручаю себя и справедливое дело, которое мне доверено защищать. Аминь. Аминь. Аминь". Поднявшись на шканцы, он обратился к своему флаг-офицеру:

– Я хочу передать сигнал флоту: "Англия верит, что каждый исполнит свой долг!" Только передавайте быстрее, я хочу передать затем еще один сигнал.

– Есть, сэр! – Ответил тот. – Однако, если позволите, я заменю слово "верит" на слово "ожидает". Так будет быстрее!

– Хорошо! – кивнул Нельсон. – Передавайте!

Над "Виктори" подняли флаги, и весь английский флот смог прочесть самый знаменитый сигнал Нельсона: "Англия ожидает, что каждый исполнит свой долг".

«Англия ожидает, что каждый исполнит свой долг»

Ровно в полдень англичане подняли боевые белые флаги святого Георга. Над кормами французских кораблей взвились трехцветные республиканские. На кораблях кричали: "Да здравствует император!" Испанцы подняли под флагами обеих Кастилий длинные деревянные кресты.

Вскоре две британские колонны сошлись с франко-испанским флотом. Первым сближился с союзниками "Роял Соверин" Коллингвуда, далеко оторвавшийся от остальных. В двенадцать часов тридцать минут он прорезал неприятельский строй под кормой шестнадца-

того с конца колонны корабля. То был флагман испанского адмирала Алавы "Санта-Мария". Союзники встретили приближающихся англичан раскатистым залпом. Первым разрядил свои пушки французский линейный корабль "Фуге". Сражение при мысе Трафальгар началось!

Большинство ядер, выпущенных французами, однако, легли с недолетом. Британцы молчали, сберегая свой залп до подхода вплотную. Чтобы сберечь людей, Коллингвуд приказал матросам лечь на палубу. Его "Роял-Соверин" по-прежнему был впереди всех. Вице-адмирал повернулся к своему флаг-офицеру Ротераму:

– Чего бы ни отдал сейчас Нельсон за то, чтобы быть на нашем месте!

– Смотрите! – обратился почти одновременно к окружавшим его офицерам Нельсон. – Как благородно Колингвуд ведет в дело свою эскадру!

Трафальгарская битва

И вот, наконец, их миг настал. Едва передовые корабли вышли на крэмбол неприятельского флота, начался ответный огонь. Вот когда сказалась выучка английской команд. В то время, когда французы и испанцы делали выстрел, британцы успевали ответить тремя. "Роял Соверин" всеми тремя деками изрешетил несчастную "Фуге". Затем одновременно сто пятьдесят ядер пронзили от кормы до форштевня испанскую "Санта-Анну, с которой он почти сошелся реями. Более четырех сотен матросов было убито и покалечено в течение нескольких секунд. Но и Коллингвуду достается. Паруса "Роял-Соверина" висят клочьями. Над кораблями повсюду вздымались черные султаны дымов, то там, то здесь вспыхивали пожары, летели вниз реи и паруса. Бой с каждой минутой становился все ожесточенней.

Младший флагман Коллингвуд несколько ошибся в своем маневре. Его флагман уклонился в сторону и рассек неприятельский строй весьма далеко от колонны командующего. Из-за этого Нельсону не удалось создать большой перевес на направлении главного удара, как он рассчитывал изначально. К тому же стал меняться ветер и ход англичан резко упал. Он явно запаздывал поддержать, дравшегося в одиночку Коллингвуда. Но что-то менять было уже поздно.

Теперь надо было драться.

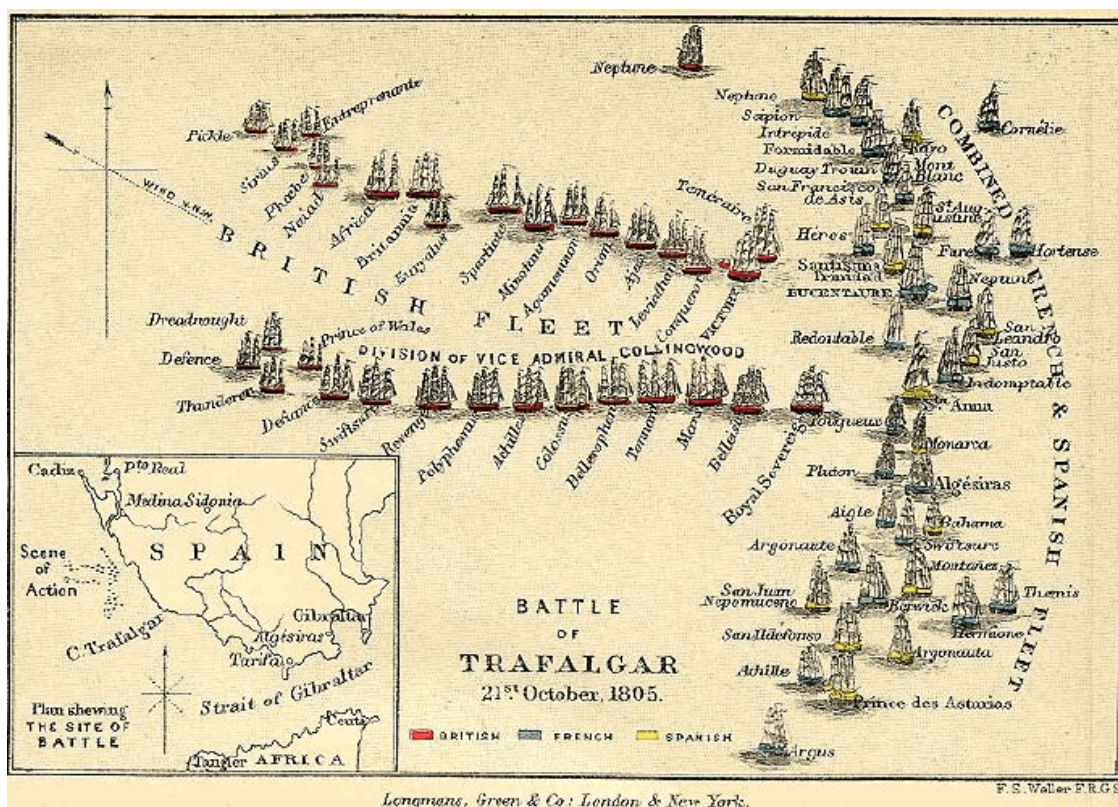
Колонна Нельсона вступила в сражение полчаса спустя после Коллингвуда. Первый залп находившегося против него французского "Буцентавра" лег с недолетом, второй у борта, третий пролетел над сетками. Наконец "Виктори" вздрогнул, очередное ядро попало в грот-брамстеню. Едва над головой просвистели первые ядра, Нельсон попрощался со своим старым товарищем капитаном Блэквудом, который торопился вернуться на свой корабль. Пожимая руку командующему, Блэквуд сказал:

– Надеюсь, милорд, что, когда я вернусь на "Виктори", я найду вас целым и невредимым. И вы успеете пленить двадцать кораблей!

Нельсон на это нахмурился:

– Благослови вас Бог, Блэквуд! Кажется, я вас больше не увижу!

Флагманская "Виктори" шла передовой в своей колонне, а потому именно на нее обрушился весь шквал союзного флота. Одновременно шесть или семь кораблей палили по "Виктори", однако сильная бортовая качка мешала французским канонирам брать правильный прицел. К тому же французы вели огонь не по корпусу английского корабля, а по его такелажу. Только этим можно было объяснить, то, что флагман Нельсона еще был жив.

Трафальгарская битва. Диспозиция

В вихре ядер и треске ломающегося такелажа английский флот ломился сквозь боевые порядки французов и испанцев. Капитан "Виктори" Харди сманеврировал так, что корабль прошел за кормой французского "Буцентавра", на котором держал свой флаг адмирал Вильнев и дал по нему продольный залп в упор. Вслед за "Виктори" начали один за другим вступать в бой остальные корабли его колонны, давая сокрушительные продольные залпы. Союзный флот почти сразу оказался в безнадежном положении. Изолированный друг от друга на несколько окруженных со всех сторон отрядов, он теперь был лишен не только единого командования, но и какой-либо воли к победе. Теперь уже англичане избивали французов и испанцев продольными залпами, причем делали это с дистанции в несколько метров. Учитывая прекрасную подготовку английских артиллеристов, дальнейшее сопротивление становилось теперь просто без-

рассудным! Несмотря на это и французские, и испанские корабли сражались с ожесточением обреченных до тех пор, пока были в состоянии выдерживать всеокрушающий огонь врага.

Общее сражение вскоре распалось на ряд ожесточенных поединков, когда противники, сойдясь вплотную, поражали из всех сил друг друга из пушек и ружей.

Стоящего рядом с Нельсоном офицера перерубило пополам ядром с "Буцентавра". Вице-адмирала обдало еще горячей кровью. Нельсон вытерся платком и, как ни в чем ни бывало, продолжил осмотр близстоящих неприятельских кораблей. Рушится крьюйс-стенга, разлетается в щепки штурвал, цепное ядро разом рвет в куски сразу восемь матросов на юте. Еще одно тут же разносит в дребезги планширь. Щепкой от него перебило пряжку на башмаке капитана Харди. На этот раз капитан и вице-адмирал молча посмотрели друг на друга.

– Такая горячая работа долго не продлится! – пожал плечами Нельсон.

Рядом с "Виктори" флагман Вильнева "Буцентавр". "Виктори" почти тычется своим утлегарем в гака-борт "Буцентавра". Французского командующего поддерживают "Редутабль" и "Нептун". Абордаж кажется неизбежным. Вильнев берет в руки императорский штандарт.

– Друзья мои! – кричит он своим матросам. – Я бросаю эту святыню на английский корабль. Мы возьмем его на абордаж или умрем!

Матросы дружно кричат "виват"!

Над "Буцентавром" взлетает флажный сигнал: "Всякий не сражающийся корабль находится не на своем месте и должен занять такую позицию, которая скорее введет его в дело!" Это последний из сигналов Вильнева. Отныне каждый из дерущихся будет действовать по собственному усмотрению. Роль адмирала для Вильневу окончена, теперь ему остается только доказать, что он первый из храбрейших.

Адмирал Нельсон во время Трафальгарского сражения

Рядом с "Виктори" в этот момент находился французский "Редутабль", ведший ожесточенную пальбу из всех пушек.

– Похоже, нам не избежать абордажа? – обращается к Нельсону капитан Харди.

– Сходитесь с кем хотите, мне без разницы! – пожимает тот плечами. Харди оценивает ситуацию. С 84-пушечным "Буцентавром" и 130-пушечной испанской "Сантисимой-Трини-

дат" сходиться опасно. И Харди выбирает 74-пушечный "Редутабль". Расходясь с "Буцентавром", "Виктори" оказывается у него за кормой и разряжает свои пушки, заряженные тысячами пуль в корму французского линкора. Огненный смерч в одно мгновение выкашивает всю палубную команду, готовую ринуться на abordаж. По "Виктори" ведет огонь "Нептун", но Нельсон полностью игнорируя его, движется к выбранному "Редутаблю". Свалившись бортами, оба корабля медленно дрейфуют. Матросы ведут ожесточенную перестрелку из ружей. Французы постепенно берут верх, и вся палуба английского флагмана покрывается трупами.

С мачт "Редутабля" хорошо различим прохаживающийся по шканцам английский командующий в своем сверкающем звездами мундире. Несколько выстрелов из ружей и вот Нельсон внезапно падает на колени, вытянув вперед руки. Его тут же подхватывают.

– Наконец они меня доконали, Харди! – прошептал вице-адмирал. – Эти подлецы прострелили мне хребет!

Матросы отнесли командующего на кубрик, где всю уже работали лекари, отпиливая ножовками руки и ноги. Нельсон попросил, чтобы его лицо покрыли платком. Он не желал, чтобы матросы видели своего командующего в столь беспомощном состоянии. Вице-адмирал осторожно положили в дальнем углу палубы, расшвыряв в сторону валявшиеся там отрезанные конечности. Подошедшему корабельному врачу Уильяму Битти, Нельсон сказал:

– Вы не можете мне помочь: у меня прострелена спина! Жить мне осталось недолго!

Трафальгарское сражение

Капеллана Скотта он попросил попрощаться за него с леди Гамильтон и своей тайной дочерью Горацией. Пульс Нельсона все угасал, и было ясно, что он умирает.

Ветер меж тем почти стихает. На протяжении нескольких миль идет повсеместное сражение. На палубе "Буцентавра" все готово к abordажу "Виктори". Вот два неприятельских флагмана сошлись вплотную бортами. Корпус трехдечного "Виктори" оказался намного выше корпуса "Буцентавра". Французы пошли на его приступ, как на приступ крепости. Впереди всех почти мальчишка гардемарин Ион. Но взобраться на палубу "Виктори" удалось немногим. А в это время с кормы "Буцентавру" зашел еще один английский линкор и одним залпом положил

на смерть сотни и сотни людей. Разом рухнули все три мачты. Теперь уже сам "Буцентавр" оказался беспомощным перед "Виктори". Оба сцепившихся корабля так и дрейфовало вместе.

– Кажется "Буцентавр" свой долг уже выполнил! – мрачно произнес адмирал Вильнев, перешагивая через горы трупов. – Но я свой еще нет! Спускайте шлюпку, я переносу свой флаг!

Но на искореженном корабле не нашлось, ни одной целой шлюпки. Спустя полчаса Вильнев, молча отдал свою шпагу прибывшим англичанам.

Спустя еще час на кубрик "Виктори" спустился капитан Харди и встал на коленях рядом с умирающим. Нельсон приоткрыл глаза.

– Как идет бой? – едва разлепил он губы.

– Превосходно, милорд! Мы захватили в плен уже двенадцать или четырнадцать кораблей, но пять из состава их авангарда сейчас развернулись на "Виктори", и намерены навалиться на нас всем скопом! Я попросил наших ближайших мателотов помощи и уверен, что сейчас зададим им хорошую порку!

– Надеюсь, ни один из наших не сдался! – прошептал Нельсон.

– Об этом не может быть и речи! – заверил его Харди.

Нельсон знаком попросил его приблизиться к себе поближе.

Ранение адмирала Нельсона

– Меня скоро не будет, Харди! Силы меня оставляют! Прошу тебя передай дорогой леди Гамильтон прядь моих волос и все мои вещи!

– Я все исполню в точности! – пообещал Харди и поспешил вернуться наверх, где сражение продолжалось еще в полную силу.

Боли Нельсона были столь мучительны, что он все время молился, шепча:

– Слава Богу, я выполнил свой долг!

Потом он начал бредить: "И все же так хочется еще немного пожить... Жизнь дорога всем..."

От ядерных попаданий корабельный корпус то и дело сотрясался и Нельсон повторял:

– О "Виктори", "Виктори", ты отвлекаешь меня от моих мыслей...

Около половины четвертого капитан Харди еще раз спустился к своему умирающему командующему.

Смерть адмирала Нельсона под палубой на своем флагмане «Виктори».

Из воспоминаний врача Уильяма Битти: "Капитан поздравил Его Светлость, уже умирающего с блестящей победой. Харди сказал, что победа полная, правда, он не знает, сколько кораблей противника захвачено, так как их невозможно ясно различить. Он был уверен, что четырнадцать или пятнадцать. Его Светлость ответил: "Это хорошо, но я рассчитывал на двадцать". Потом настойчиво сказал: "Бросай якорь, Харди, бросай якорь". На что капитан ответил: "Я полагаю, милорд, теперь адмирал Коллингвуд возьмет на себя командование". "Пока я жив – нет!" – воскликнул Нельсон. Он даже пытался из последних сил приподняться. "Нет, – повторил он, – бросай якорь, Харди". Потом Нельсон признался капитану: он чувствует, что через несколько минут его не станет, и добавил тихо: "Не бросай меня за борт, Харди". "Нет, ни в коем случае!" – заверил тот..."

Затем снова начался бред. Нельсон все время повторял:

– Пить, пить, пить! Обмахивайте, обмахивайте! Трите мне грудь, трите!

Спустя четверть часа он перестал говорить. Некоторое время Нельсон лишь молча открывал и закрывал глаза. Врач посмотрел пульс, его не было. Спустя пять минут Нельсон умер.

Командующий английским флотом скончался как раз в то время, когда Трафальгарское сражение уже подходило к своему концу. Узнав о смерти Нельсона, вице-адмирал Коллингвуд, не стесняясь, разрыдался прямо на палубе. А один из мичманов "Виктори", спустившись в каюту вице-адмирала, записал карандашом в лежащем на столе эскадренном журнале: "Редкий огонь продолжался до 16.30; когда достопочтенному виконту Нельсону, рыцарю ордена Бани и главнокомандующему, доложили о победе, он умер от ранений". В семнадцать часов тридцать минут сражение было полностью закончено. Союзники потеряли восемнадцать кораблей,

один из которых был потоплен, а остальные пленены. Вырваться из пекла Трафальгара удалось лишь французскому авангарду. Потери французов и испанцев в людях составили до семи тысяч человек. Англичане сохранили все свои корабли, хотя те и были разбиты в конец. Потери же в людях у них составили более двух тысяч. Самого Нельсона засунули в бочку, чтобы потом переложить в гроб, изготовленный из мачты французского корабля "Ориента", уничтоженного вице-адмиралом при Абукире. Чтобы тело осталось в целостности и сохранности, бочку залили казенным корабельным ромом. Несмотря на блестящую победу, над кораблями победителей трепетали приспущенные флаги.

* * *

25 октября Портсмут узнал о происшедшем сражении. Известие о Трафальгаре было опечалено известием о смерти Нельсона.

Посетив командира порта адмирала Монтегю, Сенявин узнал от него последние известия о столкновении английского и французского флотов. Именно тогда он впервые услышал слово: Трафальгар. Монтегю в общих чертах обрисовал происшедшее:

– Франко-испанский флот истреблен полностью. Трофеев – без счета. Но и наша потеря велика – пал лорд Нельсон.

– Что ж, – перекрестился Сенявин. – Это потеря государственная. Наши моряки глубоко скорбят о смерти лорда Нельсона вместе с вами. Сегодня же корабли моей эскадры приспустят в знак траура кормовые флаги. Примите мои искренние соболезнования!

– Я благодарен вам, адмирал! – пожал руку Сенявина Монтегю. – Отныне вы всегда найдете в моем лице искреннего друга. Политики политиками, но мы моряки – особая каста чести и долга!

Увы, время и обстоятельства порой очень сильно меняют людей, даже говорящих столь возвышенные фразы. Придет срок и Сенявин сумеет в этом убедиться, но это будет еще не скоро.

Весь день 25 октября в городе продолжалась непрерывная пальба, как с крепости, так и со стоящих на рейде кораблей. А ночью Портсмут горел тысячами газовых фонарей. Дома мгновенно украсились прозрачными картинками. Вот Нельсон в момент, когда пуля пробилась его грудь. Показывая рукой на врага, он красиво падает на руки подбежавших офицеров. Вот аллегория Британии, принимающей с горестным лицом лавровый венец победы. Гарнизон стоял в ружье. Музыканты непрерывно играли "Британия, правь волнами". Никто не спал. Англичане, утратив свою обычную холодность, от души гуляли и танцевали на улицах, лишь иногда, выпив, смахивали слезу с лица, и говоря при этом:

– Живи в вечности, Нельсон!

Направлявшегося в гости к своей новой знакомой мичмана Броневского едва не сбита с ног торговка газетами. Она размахивала листками и громко кричала:

– Славная победа русских над французскими собаками при Кремсе! Кто не читал, прочтите! Всего пять пенсов!

– Я покупаю! – объявил Броневский и полез в карман за кошельком.

Торговка смерила офицера оценивающим взглядом и, уперев руки в бока, провозгласила:

– Для вас мой листок будет стоить гинею!

– За что ж так дорого? – изумился мичман, финансовые дела которого уже оставляли желать лучшего.

– Русский офицер мог бы заплатить за победу, делающую ему столько чести и побольше! – провозгласила торговка.

– Если я буду платить тебе по гинее за каждую нашу победу, то надо быть миллионщиком, чтобы покупать газеты! – в сердцах огрызнулся Броневский.

К его удивлению газетчица внезапно расхохоталась:

– Прекрасный ответ! Его немедленно напечатают в газете, и он принесет мне, как минимум две гинеи! Возьмите пару листков за четыре пенса!

Возвращаясь следующим утром от белокурой Бетси, Броневский купил свежую газету, озаглавленную его собственной фразой. Решил, что надобно будет маменьке в деревню отослать, пусть погордится, что о сыне ее уже и в английских листках пишут!

Когда поутру мичман прощался с Бетси, та неожиданно заявила, что, коль Владимир уплывает, ее сердце отныне опять свободно в ожидании героев Трафальгара. Все же странная эта штука – эмансипе!

Вице-адмирал Сенявин газетами тоже интересовался, а потому ежедневно просил доставлять своего флаг-офицера доставить ему свежую прессу, что-что, а английские газетчики работали весьма быстро. Вице-адмиралу хотелось самому почитать, что думают англичане о Трафальгаре. Полистав "Морнинг стар" и просмотрев "Морнинг кроникл", он сделал вывод, что, несмотря на победу, особого веселья в Англии нет. Возможно, это было из-за смерти всеобщего любимца Нельсона, возможно из-за понимания, что настоящая борьба против Наполеона еще только начинается. В "Лондон газет экстраординари" Сенявин наткнулся на статью вице-адмирала Коллингвуда. Помня, что последний только что назначен командовать английским флотом на Средиземном море, а значит с ним обязательно, в скором времени придется иметь дело, Сенявин ознакомился со статьей внимательней.

Коллингвуд писал: "Всевышнему Богу, вседержителю всех событий, угодно было даровать оружию Его Величества полную, блестящую победу. Вместе с британским флотом и всем британским народом мне выпало на долю оплакивать гибель главнокомандующего, героя, чье имя станет бессмертным, чьей памятью будет вечно дорожить страна. Мое же сердце разрывается от невыносимой боли по поводу смерти друга".

Откровенность и искренность Коллингвуда Сенявину пришлось по душе. Трафальгарская победа перечеркнула все замыслы Наполеона относительно десанта в Англию. Отныне ему был предопределен лишь один путь завоеваний – сухопутный. Отныне его главными противниками становились Россия и Австрия.

Похороны адмирала Нельсона

Английский историк Роберт Соути характеризовал значение Трафальгара для Англии более чем категорично: "Лорд Нельсон настолько безупречно сыграл свою роль, что после Трафальгарской битвы любая война на море считалась немыслимой. Вражеский флот не просто потерпел поражение – он был уничтожен; и прежде чем кто-либо мог подумать о новом нападении на наши берега, ему следовало построить новые корабли и вырастить новое поколение моряков". Эту статью Сенявин отложил к себе в стол. Время покажет, был ли прав Соути. Что же касается лично его Дмитрия Сенявина, то все же сдается ему, что война на море только лишь начинается по-настоящему, ибо насчет полного истребления французского флота он явно поторопился.

Наткнулся Сенявин и на заголовок портсмутского листка с цитатой из речи одного из своих мичманов.

– Экий оратор! – подумал. – Хорошо, когда имеются молодые и думающие офицеры.

Флаг-капитану Митькову велел вызнать, кто таков сей мичман. Тому долго искать не пришлось.

– Мичман Броневский со "Святого Петра"! – доложил вскоре.

– Смешленный мальчишка! – кивнул головой Сенявин. – Будем иметь на примете!

А пока по улицам Портсмута уже с раннего утра все так же бегали мальчишки-газетчики и, наперебой выкрикивая названия своих газет, продавали налево и направо последние новости.

Глава шестая

На всех парусах

Для наших моряков пока все обстояло не так уж плохо. Англичане по собственному почину прислали своих портовых мастеров на наиболее потрепанные "Селафаил" и "Уриил", совместными усилиями быстро привели в божеский вид. На всей эскадре заменили такелаж, приобрели новые орудийные замки. Английские офицеры приглашали наших в Лондон. Там уже вовсю шли наскоро сочиненные и посвященные Трафальгару пиесы: "Победа и смерть лорда Нельсона" в Друри-Лейн и "Слава Нельсона" в Ковент-Гарден. Наши вежливо отказывались, просто не было времени. Зато в Портсмутских трактирах праздновали победу союзников сообща. В дешевых гуляли матросы.

– Ты знаешь, рашен, – откровенничали англичане, глядя на наших, глазами мутными, – Как мы обзываем французских собак?

– Ну и как вы их обзываете? – поднимали головы от стола матросы флота Балтийского.

– Мы их зовем лягушатниками!

– Это от чего же лягушками кличете? – не понимая, мотали головами наши.

– А от того что жрут они этих лягушек и не давятся!

– Вот гадость-то! – плевались наши, – Ну а они вас как прозывают?

– Лимонниками!

– Тоже гадость! – удивлялись наши, трезвея, – Неужели тоже сию кислятину жрете?

Последнее прозвище пошло с 1795 года, когда во избежание цинги, в английском флоте перед обедом было велено вместе с ромом, который матросы весьма уважали, непременно выпивать кружку крепкого лимонного сока, от которого тех же матросов всегда воротило. Помимо этого, остроумные французы еще более обидным прозвищем "омары" обзывали и английских солдат, за красный цвет их мундиров. Впрочем, и английские и французские матросы сообща посмеивались над бедолагами рыбаками, коих дружно наименовали обидным прозвищем – "пикши". Что касается наших матросов, то они звали своих английских союзников душевно и ласково – "асеи", от английского выражения "I say" (я говорю), которым английские собеседники предваряли каждую питейную беседу с нашими.

В более благопристойных трактирах, тем временем, сдвигало столы уже союзное офицерство. Офицеры английские, прямо на столах вилки с ножами раскладывая, показывали, как все происходило.

– Вот так, построясь в две колонны и, оставив позади резерв, лорд и напал на неприятеля с ветра, прорезал, окружил его с обеих сторон и прежде чем авангард французский успел помочь центру, тот был уже разгромлен! Затем добились и авангард.

– Ну, давайте за вашу победу! – поднимали стаканы наши.

– За союзников! – поддерживали англичане.

Потом поминали лорда Нельсона. В знак траура по его смерти английские офицеры разом повязали на свои шеи черные галстуки. Традиция эта оказалась столь живуча, что позднее черные галстуки стали неотъемлемым атрибутом военно-морской формы всех флотов мира. Но до этого еще далеко, а пока в портсмутских трактирах подавали третью очередь бутылок, после которой началось всеобщее братание. Языки развязались, и английские офицеры говорили уже куда откровенней.

– Если бы неприятельским флотом командовал не увалень Вильнев, а испанец Гравина, победа никогда не была бы столь полной. Гравина сумел бы защититься от Нельсона. У французов с испанцами была прекрасно сомкнутая линия и, не подпустив нас на картечный выстрел, а начав палить по нам еще издали, они попросту разбили бы корабли Нельсона еще на подходе! Впрочем, все обошлось и теперь мы хозяева на всех морях, а Британия спасена от вторжения!

После известия о Трафальгаре, Сенявин решил задержаться в Портсмуте ровно столько, чтобы успеть долечить больных да завершить крепеж расшатавшихся на штормовой волне корабельных корпусов. Новокупленные "Феникс" и "Аргус" доукомплектовали офицерами и матросами с линейных кораблей, опробовали пушки и погрузили боезапас с провиантом. Теперь оставалось лишь налиться свежей водой и можно продолжать плавание. Англичане срабатывали споро. Сразу несколько водовозных барж, подошло к бросившим якоря кораблям. В, полные речной воды трюмы, бросили полотняные шланги и пошли качать помпами. Только успевай бочки таскать! Больных отпоили парным молоком да свежими овощами. В помощь корабельным плотникам пришли портовые мастера, седые и многоопытные. Уже перед самым выходом к Сенявину на "Ярослав" прибыл командир порта адмирал Монтегю. Поприветствовав гостя, вице-адмирал пригласил его к себе в салон. Первый тост подняли среди флагманов традиционный:

– За наши корабли!

После нескольких рюмок водки Монтегю раскатал на столе карту Ла-Манша.

– Вот здесь и здесь Вас уже поджидают французские эскадры! Наши купцы видели их на траверзе Кадиса, так что будьте осторожны! – сказал он, тыча в карту пальцем. – Бонапарт велел любой ценой поймать вас и уничтожить! Кажется, последний урок Нельсона не пошел Бони впрок, и он решил отыгаться на вас!

То была французская Рошфорская эскадра, чудом уцелевшая после Трафальгара в составе пяти кораблей и четырех фрегатов. Теперь, покинув Порто-Фероль, эскадра вышла в море, чтобы, перехватив русских, взять реванш за погром, учиненный Нельсоном.

Сенявин скривился:

– Поймать-то нас еще, пожалуй, можно, а вот отыгаться вряд ли! К чему сейчас Наполеону второй Трафальгар! Впрочем, все равно огромное спасибо! Ввязываться сейчас в драку с французами мне не резон, надо прежде добраться до Корфу, а уж там милости просим под наши пушки!

Оба адмирала сдержанно посмеялись. Монтегю пожал руку Сенявину:

– Желаю успешного плавания и чтоб удача не отвернулась от Вашего флага! Нас тоже, невзирая на Трафальгар, ждет еще время больших испытаний. Вечером же прошу к себе на прощальный ужин, где, уверяю, вас будет ждать приятный сюрприз!

На следующее утро российская эскадра стала дружно вытягиваться на внешний Спитхедский рейд. Но едва обошли остров Вайт, как с наступлением ночи попали в жестокий зюйд-вест, что пришлось возвратиться и стать на якоря под защитой Вайта. Разлучившись с эскадрой штормовать в море остались лишь "Селафаил" с "Уриилом". Чтобы выяснять, не заходили ли корабли укрыться в Плимут, Сенявин выслал туда фрегат "Кильдюин".

Только 5 декабря ветер сменился на попутный норд-ост, и эскадра оставила английские берега. Едва выстроились в походный ордер, на горизонте показались паруса.

– Из-под Трафальгара, кажись, возвращаются, сердешные! – сразу определили наши.

Засвистали боцманские дудки, играли большой сбор. Матросы, сверкая голыми пятками, разбежались по реям. Корабли слегка качало. Море пенилось россыпью белых барашек. Вскоре можно было определить, что к Портсмуту лавируют не меньше двенадцати вымпелов. То были наиболее поврежденные корабли, отосланные Коллингвудом для починки.

– Головным флагманский "Виктори"! – опустив подзорную трубу, доложил вахтенный лейтенант.

– Вижу! – кивнул Сенявин.

Над головным линкором трепетали приспущенные наполовину вице-адмиральский флаг и вымпела. Нельсон был уже давно мертв, но все еще не покинул борта своего последнего флагмана. Остатки мачт с самодельными парусами, изрешеченные ядрами борта говорили о тяжести сражения. Поравнявшись с "Виктори", "Ярослав" первым отсалютовал ей пятнадца-

тью пушечными выстрелами, а отдавая долг подвигу павшего флотоводца, вновь приспустил свои Андреевские флаги. "Виктори" тотчас окуталась дымом ответной салютации. Сгрудившись у бортов, офицеры и матросы молча, смотрели на проходившие мимо избитые британские линкоры.

– Ни приведи, господи, так драться! – переговаривались промеж себя матросы. – Сколько ж там нашего брата положило!

– Не знаем, каковы потери французов, коль они уже вновь в море и нас сторожить собираются, но победа англичанам досталась не дешево! – вели разговоры офицеры. – Теперь же, видать нам, предстоит пытать счастье в драке с флотом якобинским!

Из Портсмута уже вышли навстречу победителям сотни ботов, шлюпок и яликов. Берега застлала клубы дыма, то уже начали приветственно палить береговые форты.

– Гулянка у них будет, видать, знатная! – сокрушался работающий на грота-реи марсофлот. – Жаль нас там не будет!

– Ничего! – успокоили его товарищи. – Наша война с гулянкой еще впереди! Не журись, мимо нас не просвистит!

Проводив взглядом "Виктори" и вспомнив прощальный ужин Монтегю, Сенявин перекрестился. Адмирал, как и обещал, удивил российского командующего своим сюрпризом, предложив ему испробовать ром, которым было залито тело Нельсона сразу же после его смерти. Живущем ныне, этакое отсутствие брезгливости может показаться шокирующим, но так было. Сенявина угощали "ромом Нельсона", как особо дорогого гостя.

– За дух Нельсона! – поднимал тост за тостом Монтегю, поводя бычьей шеей по сторонам.

Флагманский корабль Нельсона «Виктори» на вечной стоянке в доке

Английские адмиралы дружно разливали по стаканам бурю жидкость и бодро опрокидывали ее в себя. Сенявин, чтобы не обидеть хозяев, собравшись с духом, тоже пил свою порцию. Ром был крепок, но пах весьма дурно. Больше пересиливать себя Сенявин не мог и от очередного стакана под каким-то благовидным предлогом отказался.

– И зря! – повел бычьей шеей Монтегю. – Ведь с ромом в нас вселяется душа Нельсона!

Российская эскадра покидала английские берега не только в канун Трафальгара, она покидала его в преддверие АУСТЕРЛИЦА!

Обогнув остров Вайт, наши корабли вскоре шли уже мимо берегов Гамшира. На другой день подошел "Кильдюин" и доложил, что оторвавшиеся от эскадры корабли никуда не заходили, а прошли мимо Плимута. На траверзе мыса Лизард, с наших кораблей отпустили английских лоцманов, по пеленгам утвердили место эскадры и, построившись в походный строй, пустились в открытый океан. Скрипели мачты, трещал корпус, беспрестанно хлопали над головами паруса. Все было, как всегда.

По выходу в море, велел Сенявин выставить на кораблях "огневых". Такая команда – верный признак возможной скорой битвы. "Огневыми" в российском флоте именовали особо доверенных матросов, которые в ночное время содержали готовые к немедленному употреблению тлеющие фитили в специальных медных фонарях-ночниках.

В орудийных деках артиллеристы регулировали откаты. Откат пушки после выстрела – далеко не мелочь! При сильном откате, удерживаемая тросами – брюками пушка только что не встает на дыбы. Если откат сильный, да еще стрельба идет долгая и залповая, то брюки, случается, вырывают куски борта. Зависит же сила отката от причин многих: и от угла возвышения, и от качества и количества пороха, от того туго входят в ствол пыжи или свободно, легко ли вращаются ли колеса станка или с усилием. Кроме этого примечено давно и то, что разгоряченное от выстрелов орудие откатывается куда сильней, чем холодное. И это только откат, а сколько иных забот!

В следующую ночь к эскадре приблизился британский фрегат "Пегас". Долгое время фрегат шел в отдалении от нашей эскадры, определяя ее национальность и только удостоверившись, что перед ним действительно русские, осмелился сблизиться. Капитан "Пегаса", сойдясь с "Москвой", уведомил, что французская Рошфорская эскадра, увеличившись до семи кораблей и десятка фрегатов, бродит где-то неподалеку, чтобы не допустить русских в Средиземное море. Не далее, как вчера, французы покинули порт, а потому "Пегас" был послан адмиралом лордом Корнвалисом, дабы предупредить нас.

Ветер дул нашим кораблям самый попутный. Сомкнув кильватерную колонну, сколько было возможно, Сенявин рассчитывал проскочить мимо двух стороживших его французских эскадр. Несмотря на то, что корабли всюду валяла океанская волна, верхние орудийные порты вице-адмирал велел держать открытыми. Прислуга неотлучно сидела подле заряженных пушек. Было ветрено и стыло. Поздним вечером, когда штурмана, кутаясь в дождевики, клали пеленга на черневшие на горизонте скалы Эль-Феррольского мыса, с салингов сразу несколько голосов простужено прокричало:

– Слева по крамболу борта правого паруса!

– Считай! – запросили снизу.

– Много! Никак флот целый!

– Это французы! – разнеслось по кают-компаниям и матросским палубам. Капитаны, торопливо допивая чай, выбегали на шканцы:

– Ну что ж, господа, никак и наш черед крутить хвоста французскому пуделю! Командир "Ярослава" капитан 1 ранга Митьков послал рассыльного за командующим. Сенявин поднялся немедленно.

– Сколько их там? – спросил, поеживаясь на холодном ветру.

– Десяток добрый будет! Корабли линейные, двухдечные!

– Да, это явно битые, но недобитые французы! – поглядев в зрительную трубу, буркнул он себе под нос. – Нас они, видимо, тоже заприметили и теперь ворочают на пересечку курса.

– Эти драться будут до соплей кровавых, – вздохнул невесело Митьков, – Французам после Трафальгарск о й бани уже смерть не страша. Им победа нужна, потому и спешат, что на ярмарку!

– Чего же им не спешить, когда противу каждого нашего корабля у них по два! – хмыкнул Сенявин, – Ан ладно, рано радуются.

Был день святого Николы Чудотворца, а потому матросы желали непременно сразиться с французами.

– Святой Микола нам сегодня непременно подможет, чего ж еще ждать! – горячились одни.

– Чем мы хуже английцев, пусть и у нас свой Трафальгарка будет! – вторили другие.

– Главное, чтоб до абордажа дошло, там мы уж французу ухи то пооткрываем!

– радовались в преддверье боя третьи, самые отчаянные.

– Дмитрий Николаевич! Команды рвутся в драку! – доложили Сенявину.

Тот только в кулак хмыкнул. Затем велел собрать подле себя офицеров "ярославских". К ним и обратился:

– Рвение ваше к бою понимаю и разделяю всецело! Но встреча сегодняшняя нам, ни к чему, ибо ежели даже и отобьемся, то до Корфу с разбитыми кораблями нам уже не доплыть! А потому станем уклоняться. Мой сигнал по эскадре – ворочать к зюйду, да плавно по три румба, чтоб не сразу заприметили! А с темнотою чтоб огня никто не зажигал! Матросам же от вахт свободных займите каким делом, чтоб кулаки поменьше чесались.

Повинуясь натруженным матросским рукам, "Ярослав" начал склоняться на юг, постепенно подворачивая. Остальные, держа в кильватер флагману, следовали за ним.

– Сколько до сумерек? – спросил штурмана Сенявин.

– Не более получасу осталось! – ответил тот, глянув в расчеты.

– Кажется, нам сегодня везет! – кивнул Сенявин. – В темноте-то уже точно оторвемся!

Из хроники плавания: "В полдень в широте 46 градусов и три минуты и долготе 12 градусов и шесть минут показались с салинга к NW пять больших кораблей и два фрегата. Они шли прямо на русскую эскадру: ветер у них свежел, а у нас делался тише; к вечеру мы уже были от них не далее 10 верст. С вероятностью полагая, что эскадра сия была вышеупомянутая французская, и как неизвестно было официально о разрыве с французами и силы наши были весьма слабы; то, желая избежать встречи, от которой могло бы произойти или недоразумение, или не равный бой, адмирал взял курс прямо на Порт-Фероль, в предложении, что сим направлением подаст французам мысль принять себя за англичан, идущих соединиться с флотом, блокирующим тот порт и равномерно они будут стараться захватить его не сем пути. Но после заката солнца приказал скрыть на всех кораблях огни и вдруг переменить курс на SW. Продолжая оный до утра, Сенявин с удовольствием увидел исполнение своего предположения, ибо на рассвете французозов уж не было видно, а потому и взят тотчас настоящий курс к Гибралтарскому проливу".

Спустившаяся ночь надежно скрыла русскую эскадру от преследователей. С наступлением темноты на российских кораблях разом потушили не только отличительные фонари, но даже огонь на камбузах. В восемь часов вечера все разом без сигнала поворотили на восток, а в полночь еще раз изменив курс, пошли на зюйд. Утром сколь не вглядывались впередсмотрящие в морскую даль до боли в глазах – горизонт был девственно чист.

– Слава Богу, избавились от настырных! – с облегчением вздохнули на шканцах флагмана. – Подраться мы всегда и сами горазды, но ныне оно нам ни к чему!

Чтобы занять и развлечь матросов капитаны разрешили им петь и плясать, а для поощрения выдали за здоровье государя по лишней чарке. Штурманские ученики, юнги, фельдшеры (те, кто пограмотней) соорудили из сигнальных флагов кулисы и начали представлять любимую всеми оперу "Мельник". По сюжету оперы хитрый мельник и деньги сумел заработать, и жену у соседа увести. Матросам нравилось.

– Ну и бестия, ну и ухасть! – хохотали, животы надрывая.

Затем играли в рожок и били в бубны, да пели хорами, кто лучше: матросы, артиллеристы или солдаты. Все старались, как могли, чтоб друг друга перекричать.

В кают-компаниях накрыли ужин, которому бы и московский винный откупщик позавидовал. Офицеры промеж себя тоже танцевали и веселились. Когда все напелись и наплясались, желание драться с французами пропало, само собой. Доложили командующему, тот кивнул удовлетворенно:

– Нагулялись, теперь пусть отсыплются! А драться нам еще успеется!

Еще целую неделю металась по Атлантике Рошфорская эскадра, в тщетных потугах отыскать исчезнувшего Сенявина. Желание поймать и истребить русских, было как никогда велико. Иного и не могло быть, ведь приказ об уничтожении русских был подписан самолично императором, который к тому же постоянно интересовался ходом перехвата. Но все же настал момент, когда последнему французскому матросу стало абсолютно ясно: русских упустили окончательно.

– Если их адмирал шел с попутным ветром, да еще одним генеральным курсом, мы давно безнадежно отстали! – вынужден был признать вице-адмирал Гриен – Ворочаем на Кадис! Нам следует ждать выговора от императора, а нашим ребятам в Адриатике большой головной боли!

Тем временем, корабли Сенявина со свежим фордевиндом летели вперед на всех парусах, делая по восемнадцать верст в час.

Суровый вид Атлантики не мог оставить без внимания нашего героя и Владимир Броневский вновь обратился к своим запискам: "По мере удаления от берегов ветер крепчал, волнение усиливалось, и седая пена валов покрывала всю поверхность океана. Прелестный берег Англии постепенно утопал в бездне; уже хребты волн равнялись с зелеными его холмами; наконец они скрылись и мы, как осиротевшие, остались посреди необозримого океана, окруженные сумрачным небом и шумящими волнами. Захождение солнца предвещало непогоду; черные облака мчались вслед за нами от севера и мелкий туманный дождик начинал накрапывать. Пасмурный вид природы хотя не утешал меня, но невольная грусть вливалась в сердце. скорый переход от удовольствий к опасностям наполнял воображение печальными мыслями и когда берег Англии исчез, когда все приятные мечты, подобно сновидению, миновались, с тоскою, с грустью неизъяснимой взирал я на грозное приуготовление бури и на ужасный мрак, который с небесной высоты сходил, спускался ниже и ниже, и видимый нам горизонт уменьшил в небольшой круг. Мелкий дождик принудил меня сойти в кают-компанию: она представляла гостиную, куда собиралось общество согласных родных. Одни играли в бостон, в шахматы, в лото, другие разыгрывали, как умели, квартет; иные читали, или заботились приготовлением чая. Закурив трубку и подвинув стул к камину, я любовался алым пламенем, которое, то воздымалось, то упало, то возгоралось, то угасало... Наконец спокойные лица и приятные занятия моих товарищей скоро рассеяли мою скуку..."

Несмотря на ненастную погоду, свободные от вахты офицеры и матросы часами простаивали на палубе. Вид несущихся под всеми парусами кораблей всегда греет моряцкие души!

На широте Лиссабона еще раз хорошо качнуло. На этот раз попали в сильную океанскую зыбь. Укачавшиеся жевали вымоченные в квасе и уксусе ржаные сухари, да сосали лимоны. Немного помогало.

Шли под гротом, фоком и марселями в два рифа, делая узлов восемь. Корабли слегка кренило, взбираясь на очередной крутой гребень, они вздрагивали всем корпусом, а катясь вниз, с грохотом рушили своими дубовыми форштевнями пенные вершушки волн.

Несмотря на непогоду, каждый день ровно в двенадцать пополудни на палубы выбиралась штурманская братия, чтобы сделать полуденный замер. Пока помощники штурманские отсчитывали хронометрами точное время, сами штурмана сосредоточенно "ловили" секстанами едва различимое в разводах туч солнышко. Затем поколдовав над астрономическими таблицами и рассчитав линии положения, докладывали капитанам счислимое место.

Что касается Сенявина, то он время от времени поднимался из своей каюты наверх, чтобы оглядеть походный ордер эскадры и передать капитанам необходимые сигналы. Обедал вице-адмирал в шесть часов вечера. Сам не слишком жаловавший спиртное, он всегда имел на столе несколько бутылок хорошего вина. С адмиралом всегда обедал и командир флагманского "Ярослава" Митьков, исполнявший одновременно и обязанности флаг-капитана командующего. Кроме него Сенявин всегда приглашал к своему столу свободного от службы вахтенного начальника и кого-нибудь из мичманов. А потому обед имел помимо всего своей целью и дело воспитательное. По воскресеньям командующего офицеры приглашали отобедовать к себе в кают-компанию. От приглашения этого Сенявин никогда не отказывался, придавая большое значение общению с подчиненными в неслужебной и весьма непринужденной обстановке, каковая обычно складывалась за обеденным столом.

Когда зыбь улеглась, усмотрен был вдалеке мыс Сан-Винцент. Немедленно взято было обсервованное место. К удовольствию штурманов невязка оказалась небольшой.

Спустя сутки, слева на траверзе российской эскадры из тумана медленно выплыла мрачная Гибралтарская скала.

– Ну, кажется, Атлантика позади! – перекрестились на кораблях.

Весь маневр отрыва от неприятеля был проделан столь мастерски, что французы хватились пропажи только спустя неделю. Это была первая бескровная победа нашего флота в только еще начинавшейся морской войне.

И вот, наконец, знаменитые Геркулесовы столпы, которыми означался предел древнего мира. Высоченная утесистая скала, кажется, готова вот-вот обрушиться на проходящие мимо парусные корабли. На вершине ее среди облаков телеграф, то англичане зорко следят за возможной опасностью. К северу зеленый берег Андалузии, касается узким песчаным перешейком гранитной глыбы Гибралтара. На севере синели горы андалузские, на юге за проливом африканские, и пугала своей мрачностью величайшая из них – Абилла.

Пока корабли входили в местную бухту, мичман Броневский, верный своей привычке, помечал в записной тетрадке увиденное.

– К чему тебе это, Володька! – окликнул его державший младшую вахту Ртищев.

– Все равно академиком не станешь! Не по той дорожке пошел!

– А я для себя помечаю, чтобы на старости лет хладных было что вспомнить! – ответил тот, не отрываясь от карандаша.

– До лет хладных еще добраться надо, что с нашим делом моряцким весьма сумнительно! – вздохнул Ртищев философски, но более уже с расспросами не приставал.

Сгрудившись на палубе, рассматривали российские мореходы главную английскую цитадель на путях торговых. Бухта Гибралтарская поражала своими размерами. Была она верст шестьдесят, а может и того более. На пушечный выстрел от Гибралтара видны испанские крепости Сант-Филлип и Сант-Рока, против них еще одна Алжезирас, в гавани которого постоянно несколько французских корсаров стерегут возможную добычу, которую не бояться уводить даже из-под гибралтарских пушек. Таким образом, не только англичане сторожили французов с испанцами, но и те, в свою очередь, неусыпно денно и ночью сторожили англичан. Скала гибралтарская со стороны берега неприступна, а поэтому чтобы исключить возможность нападения со стороны моря, англичане выстроили дополнительно еще несколько фортов. Теперь для того, чтобы овладеть Гибралтаром, надобно положить под ним несколько армий и флотов.

А Броневский, меж тем, о лазаньях своих по горам рассказывал, да столь увлеченно и руками размахивая, что подошел незаметно и заслушался даже капитан Борятинский. Лазил мичман со "Святого Петра" вместе с несколькими такими же любопытными мичманами с других кораблей, из тех, кому никогда на одном месте не сидится.

Сам городок гибралтарский всего в несколько кривых улочек под скалой. Цены в лавках таковы, что отбивают всякую охоту даже к ним подходить. В предгорном овраге прыгали по терновнику ободранные обезьяны, промышленяющие на местных помойках. Скала Гибралтарская поражала своею мощью и высотой. В глубине скалы пещера Святого Михаила, увенчанная гроздьями прозрачных сталактитов. На вершине скалы выстроены ворота с надписью: "Проход из Океана в Средиземное море". По одну сторону видна Атлантика, по вторую далеко внизу бьются уже волны средиземноморские. Камни снизу доверху исписаны надписями всех языков и народов. Нашлась и своя родная: "Здесь был Василий сын Иванов, родом из города Костромы и плевал я с сей скалы на всея, а в кого не попал, тому мое почтение". Слова душевные сразу мичманов российских столь порадовали, что плюнули все они разом со скалы в волны далекие и тут же дружно взялись за свои кортики, чтобы оставить потомкам напоминание и о себе...

* * *

Пополнив припасы, Сенявин, не задерживаясь ни дня более, дал команду выбирать якоря. Заскрипели шпиды, выхаживая канаты, матросы натужно наваливались грудью на отполированные ладонями вымбовки, пели:

*Вот раз, по два раз,
Кто командовать горазд,
Тому чарочка винца,
Два стаканчика пивца,
На закуску пирожка,
Для забавы деушика!
Ай, знай, знай, знай!
Да пока-чи-вай!*

Из шканечного журнала линейного корабля "Уриил": "16-го числа декабря в 7 часов утра сделанным на корабль "Ярослав" сигналом, велено было всей дивизии поднять по одному якорю, а в половине 8 часа бриг "Феникс" вступил под паруса. В исходе сего же часа поднятым на флагманском корабле сигналом велено кораблю "Селафаил" сняться с якоря, который сие выполнил в начале следующего часа. Вскоре после сего на вице-адмиральском корабле "Ярослав" деланы были сигналы, но нам за отданным на нем крьюселем, рассмотреть оных было невозможно; после чего регат "Кильдюин" вступил под паруса. В 10 часов корабль "Селафаил" стал на якорь, уповательно по причине бывшего в сие время безветрия, а между тем, так как в половине 11 часа сделался от северо-запада тихий ветер, то на исходе сего часа на вице-адмиральском корабле "Ярослав", сигналом велено было всей дивизии вступить под паруса, почему в начале 12 часа корабль "Святой Петр" снялся с якоря, а в половине 1 часа пополудни и корабль "Селафаил" так же вступил под паруса, отправился к востоку. В исходе сего же часа, следуя флагману, закрепили у нас отданные марсели... В 3 часа, вывертев мы якорь, вступили под паруса..."

Несмотря на слабый ветер, попутное течение под африканским берегом само влекло российские корабли в Средиземное море, только успевай у штурвала управляться! Воды Атлантики, вторгаясь в Средиземное море, еще долго сохраняют свой черный цвет.

Из письма Владимира Броневского Павлу Панафидину: "19-го декабря восходящее солнце позлатило светлую лазурь неба, ни одно облако не помрачило ясного свода его. Легкий ветерок едва колебал море, и скоро наступила совершенная тишина... Три дня у небольшого, пустого и голого камня Алборана томились мы мучительным, беспокойным ожиданием ветра, думая, авось – либо с которой-нибудь стороны он поведет. Каждое облако, каждая песчинка на небе, казалась нам предвестником оногo, но надежды наши были тщетны: зеркальная поверхность моря пребывала в неподвижной гладкости. После ученья из ружей в цель и примерно у пушек, люди, чтобы не быть в бездействии, иные пели, другие занимались своей работой или ловили рыбу. Юнги едва успели закидывать уды, как вытаскивали по две и по три рыбы вдруг; на уду же, пустив приманку, плавающую на воде, ловили они чаек. Множество сих морских птиц вилось вокруг кораблей, отнимая с криком одна у другой куски хлеба, которые мы им бросали... Как день был очень жарок, то людям позволили купаться. Для сего спустили шлюпки и у бортов для не умеющих плавать растянули на веревках парусину, на которых мылись они точно так, как в ванне..."

Многоопытный Сенявин был весьма озабочен здоровьем своих команд. Переход из северных широт в южные всегда грозит массовыми болезнями: скорбутом и простудами. Чтоб этого не допустить, велел командующий проветривать корабельные трюмы, окуривать ежедневно палубы уксусом и порохом, строжайше соблюдая чистоту и опрятность, как кораблей, так и экипажей. По верхней палубе денно и ночью ходил унтер-офицер, смотрящий, чтобы никто в мокром платье и с непокрытой головой не ложился спать. Цедильные камни и машины для очищения воды, работали безостановочно, очищая портящуюся воду. Благодаря всему этому, массовых болезней пока удавалось избежать.

Спустя несколько дней 20-го декабря при тихом остовом ветре на траверзе острова Альборун эскадра встретила с английским Средиземноморским флотом лорда Коллингвуда. К англичанам на переговоры был отправлен надворный советник Сиверс, затем встретились оба командующих.

– Рад приветствовать героя Трафальгара! – искренне и крепко пожал руку английскому командующему Сенявин.

– Рад приветствовать героя будущих побед в Средиземноморье! – в тон улыбнулся Коллингвуд, отвечая на рукопожатие.

Бывает, что взаимные симпатии рождаются с первого взгляда. Так случилось и в тот раз. Отныне и навсегда оба адмирала, вопреки всему всегда будут симпатизировать друг другу.

– Прошу отведать хорошего кипрского вина! – пригласил широким жестом Коллингвуд к себе в салон Сенявина.

– Благодарю! – кивнул тот и, подозвав к себе адъютанта, принял от того сверток.

– Думаю, хорошая русская водка нам тоже не помешает!

Первый тост командующие подняли за своих королей, затем выпили за Россию и Англию раздельно, за их союз совместно, после чего набили трубки табаком и от души закурили.

Сенявин, в общих чертах, поделился своими планами.

– Все очень разумно, вы можете хорошенько обтрусить французский сад, пока их сторожа утирают сопли после Трафальгара!

По рассказу Коллингвуда, он только что оставил блокаду Карфагена, где пряталась испанская эскадра. Английский командующий был уверен, что перепуганные последними событиями, испанцы ни за что не отважатся высунуть нос в море. Сам же он намеревался рвануть на всех парусах к Вест-Индии, чтобы попытаться перехватить там Брестскую эскадру, на которой, по слухам, находился брат Наполеона Иероним.

– Мы очень рассчитываем на вашу помощь. Поэтому я выгреб со Средиземноморья все, что имел. И вам придется пока остаться с французами один на один! В Карфагене у Бонапарта стоит восемь кораблей, из которых три 100-пушечных. Пока они еще не вооружены, но это

вопрос времени. Я, оставляю против них небольшую блокирующую эскадру своего младшего флагмана Дукворта, однако сами понимаете, что может случиться всякое...

– Нам не привыкать! – поднял Сенявин, наполненный стюардом бокал. – За удачу!

Катберт Коллингвуд, 1-й барон Коллингвуд

Расстались, если не друзьями, то уже приятелями. На отходе англичане салютовали российским морякам ПЕРВЫМИ! Такого еще не было нигде и никогда!

– Видать припекло союзничков, коль на свои же вековые традиции плюют! – смеялись наши.

Приняв все меры предосторожности, эскадра со свежим попутным ветром прошла мимо Карфагена. В предметном стекле зрительных труб виднелись белые паруса кораблей Дукворта. С ним у Сенявина еще будет своя встреча. Увы, не столь радостная, как с Коллингвудом.

По расставанию с англичанами, Сенявин велел перестроить эскадру из кильватера в строй фронта. По левому борту от флагманского "Ярослава" на пределе видимости разместился "Святой Петр" и далее "Уриил". Справа от "Ярослава" "Селафаил" и "Москва". Впереди флагмана в качестве передового дозора "Кильдюин", а по корме концевым бриг "Феникс". Теперь российская эскадра, словно гигантская гребенка, причесывала средиземные воды, разыскивая своих и чужих.

27 декабря, в канун католического рождества эскадра была уже у Сардинии, а еще спустя два дня лавируя при крепком северном ветре, встала на якоря у Калиари.

Калиари – нищая столица нищего Сардинского королевства. Самого короля, однако, здесь не было. Он предпочитал проживать в Риме, здесь же управлялся его брат герцог Женевский. Сам город был расположен на крутой горе и обнесен полуразвалившейся стеной. За городом бесконечные болота. Гавань мала, но илистый грунт хорош. Вдалеке маячили две старые галеры – флот сардинского короля. Корабельные штурмана, заглядывая в рукописные лоции, говорили капитанам:

– Для фертоинга лучше один из якорей класть на норд-вест, а другой на нордост!

- Каковы здесь глубины!
- От четырех до восемнадцати саженей!
- Подходяще!

А к кораблям уже на всех веслах спешили десятки обшарпанных лодок- скопомаре.

- Может, как и в Портсмуте, торговцы! – оживились наши, но они ошиблись.

Лодки были заполнены музыкантами и нищими. Все почему-то в красных колпаках. Первые тут же запиликали на скрипках, вторые начали громко кричать милостыню. Вид оборванных и завшивленных сардинцев привел в изумление российские команды.

- Попрошаек нам еще не хватало! – расстроились они.
- Это оркестранты и солдаты короля! – разъяснили им.
- Не дай Бог так служить! – крестились матросы.
- На борт не пускать, чтоб заразы никакой не получить! Трехдневный карантин!
- передали с "Ярослава" приказ командующего.

Сенявин был раздосадован. Не повидавшись с королевским братом, он не мог покинуть Калиари. Таковыми были императорские инструкции. Но герцог Карл Фелиций мог прибыть только через несколько дней, так как отдыхал сейчас на загородной вилле.

Через три дня к кораблям подошли лодки торговцев, и разрешено было покупать фрукты, предварительно тщательно их обмывая. На эскадре повеселели, тем более что дешевизна была потрясающая. За десять апельсинов платили копейку, а за два пуда миндаля – талер.

После окончания карантина начались съезды на берег. Однако желающих было немного. Отправились лишь любознательные. Впрочем, о своей прогулке они не пожалели. Прекрасные цветочные клумбы и горы нечистот, красивые дома и толпы нищих ланцирони – казалось, все слилось воедино. Работающих видно не было: все отдыхали. Зажиточные отсиживались по своим домам, ланцирони спали прямо посреди дороги. В центральной церкви толстые монахи-францисканцы показывали в золотом ковчеге голову святого Сантурина, а потом за тот показ нагло вымогали пару монет. На единственной городской фабрике крутили шелк, но не люди, а индейки, петухи и куры. Падавших от бессилия, тут же волокли в трактиры. Но обедать там могли лишь самые небрежливые.

Наконец, прибыл и вице-король Сардинии герцог Карл Фелиций. Гвардейцы его одеты были поприличнее простых солдат, однако, судя по худобе и голодным глазам, тоже давно не кормлены. Аудиенция Сенявина продолжалась недолго, ровно столько, чтобы, поздоровавшись и справившись о здоровье королевской семьи, предложить им от имени Александра Первого защиту российского флота, а затем, выслушав слова благодарности и выпив чашечку кофе, попрощался.

В полдень 7-го января, когда солнце было в самом зените, эскадра продолжила свой путь. Корабли один за другим преодолевали коварный риф на выходе из бухты и выбирались на чистую воду. Было Рождество, а потому все работы и учения отменялись. Свободные от вахт пели песни и отдыхали, а к обеду на палубу вытащили двойную ендову с хорошим сардинским вином.

К неудовольствию Сенявина все время отставала от остальных "Москва". Там никак не могли поймать ветер.

- Прикажете поднять Гетцену выговор? – подошел к командующему командир "Ярослава" капитан 2 ранга Митьков.

- Не надо! – мотнул головой тот. – Он и так сейчас переживает, и прилагает все меры для исправления!

Но вот на "Москва" все же разобрались что к чему и она, прибавив хода, заняла свое место в походном порядке.

Сенявин с удовольствием поглядел на передовой "Кильдюин". Его командир капитан-лейтенант Развозов всегда содержал свой транспортный фрегат в немедленной готовности

к плаванию, умудряясь притом поддерживать его почти в праздничном виде с блестящими свежей краской бортами, наклоненными в нос мачтами и туго обтянутым такелажем. Вот и теперь "Кильдюин" ходко резал пологие волны, выжимая из слабого ветра все, что только возможно.

– А Развозов-то наш молодец! – сорвалось с уст вице-адмирала. – Лихо правит! На следующий день перед россиянами открылась изумрудная Сицилия, за ней и острова Липарские. Над вулканами Стромболи курились дымы, время от времени извергаясь столбами пламени.

Глава седьмая Здравствуй, Корфу!

Пролив Фаро-ди-Мессина, что отделяет Сицилию и материковой Италии, проходили ночью. Места эти из-за многочисленных мелей и камней, во все времена пользовались среди моряков дурной репутацией. Даже в тихую погоду вода в проливе кипит, ибо здесь сталкиваются два встречных течения, много неприятностей доставляют и сумбурные приливы. Кто-то советовал вицеадмиралу подождать с проходом до утра. В этом был свой резон. Но командующий был уверен в себе и велел форсировать Мессинский пролив с хода. Капитаны и штурмана вглядывались в темноту калабрийского берега. Где-то там должен был вот-вот открыться маяк Фаре. Наконец блеснул огонь.

– Класть пеленг немедля, пока виден сей фарос! – кричали капитаны.

– Пеленг положен! – докладывали штурмана.

– Полдела сделано! – переводили дух капитаны. – Наносите на карту!

Теперь уже можно смело рассчитывать по карте свой курс и, не боясь неожиданностей, идти вперед. "Вероятно, сим решительным и искусным маневром Сенявин хотел познакомить себя с теми моряками, кои мало его знали" – скажет о нем современник. По сигналу командующего корабля сомкнули кильватерную линию и, следуя за передовым "Ярославом", успешно прошли мимо всех подстерегавших опасностей. Курс был проложен на Мессину.

Мессина

Крупнейший из городов Сицилии встретил наших моряков громом пушек. То палили, не переставая, транспорта эскадр командоров Грейга и Сорокина, возвращавшиеся с 13-м егерским полком из Неаполя на Корфу, сопровождавший их черноморский фрегат "Назарет" и недавно купленный Грейгом на Мальте бриг "Летун".

– Ну вот, кажется, и до своих добрались! – облегченно крестились на российских кораблях.

Причиной появления в сицилийских водах отряда рейсовой эскадры было то, что намечавшееся совместное англо-русско-неаполитанское наступление в южной Италии было отменено в самый последний момент и теперь наши войска, так и не успев сделать ни одного выстрела по врагу, возвращались обратно на Корфу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.